Миссия невыполнима

Автор:
Василий Злотников

Миссия невыполнима

Василий Орехов

Роман Валерьевич Злотников

Империя наносит ответный удар #3

В Галактике появляется новая головная боль для великих держав – планета Панеконт, крупный транзитный узел нескольких звездных трасс, становится опорным пунктом космической наркомафии. Пока молодой король Абдельмаджид удерживает гангстеров в узде, однако нарыв вот-вот может лопнуть. Ситуация резко обостряется, когда на планету прибывает виртуозный наемный убийца мистер Сименс, специализирующийся на уничтожении президентов и королевских особ. Ветераны космического десанта Российской Империи Песец, Лось и Рысь вновь оказываются захвачены бушующим вихрем опасных событий. Они знают, что их миссия практически невыполнима, однако она должна быть выполнена любой ценой.

Василий Орехов, Роман Злотников

Миссия невыполнима

Глава 1

Шасси спускаемого отсека пассажирского транспорта «Беркем аль-Атоми», принадлежащего компании «Аль-Сауди Космолайнс», с коротким шипением коснулись посадочной площадки. Замелькали по сторонам ослепительно-яркие голографические направляющие, чтобы автоматике было проще удерживать огромную махину на трассе – едва заметно подрагивая, внушительный обтекаемый конус с короткими крыльями черного цвета покатил по широкой пластолитовой полосе, выруливая к посадочному терминалу.

Утомленные долгим спуском с орбиты пассажиры принялись щелкать ремнями безопасности, вставать с кресел и потрошить багажные полки. Вместо часа им пришлось провести в спускаемом отсеке три – к шлюзу орбитального транспортного узла, от которого он должен был стартовать, экстренно пристыковалась возвращавшаяся с увеселительной прогулки в соседнюю систему королевская яхта, прибытие которой не было внесено в линейное расписание космодиспетчеров. Молодой местный монарх с истинно царственным величием не обращал внимания на глупые условности и международные правила движения по космическим пассажирским линиям, порой создавая довольно серьезные аварийные ситуации на орбите, которые его подданным приходилось разруливать с кротостью францисканских монахов и ловкостью мастеров кун-фу. Однако летевший бизнес-классом мистер Сименс отнюдь не спешил следовать примеру попутчиков и отстегнул ремень, только когда отсек окончательно остановился, двигатели замерли с низким гулом и на табло над входом погасла предупреждающая надпись. Несмотря на профессию, связанную с повышенным риском, состоятельный пассажир не любил рисковать по пустякам. Если ремни не положено отстегивать до полной остановки двигателей, значит, для чего-то это нужно. Вряд ли космолиния станет причинять клиентам лишние неудобства просто так, из вредности – значит, неудобные ограничения обусловлены серьезными причинами. Вон не далее как год назад в столичном космопорту на Талголе пассажирский отсек при посадке потерял ориентацию, пробил ограждение, выкатился в чистое поле и завалился набок на неровностях почвы. Погибших и тяжелораненых не было, но если бы пассажиры не принялись отстегивать ремни и беспечно вставать с мест, едва только шасси отсека коснулись пластолита, сломанных рук и челюстей оказалось бы куда меньше.

Подхватив свой чемоданчик, мистер Сименс поднялся с кресла, снисходительно помахал кончиками пальцев симпатичной стюардессе, которая весь рейс пыталась с ним заигрывать, и направился к выходу. Прошествовав по посадочному рукаву, он миновал коридор транспортного портала номер восемнадцать и, выйдя в зал прибытия, пристроился на паспортный контроль

вторым в крошечную очередь для пассажиров бизнес-класса – прямо под огромным щитом, украшенным по периметру тонкой арабской вязью: «Добро пожаловать в благословенную Аллахом землю королевства Аль-Сауди!»

Зайдя в кабинку паспортного контроля, он привычно приложил тыльную сторону запястья к считывающему устройству.

– Мистер Джебедайя Сименс? – уточнил таможенник, не отрывая взгляда от виртуального аналога монитора, на который выводилась считанная с личного микрочипа информация.

– Совершенно верно, – с достоинством кивнул пассажир.

– Гражданин Соединенных Миров?

– Именно так. – Очередной солидный кивок.

– Цель прибытия?..

– Там же все написано. – Пассажир был хладнокровен, как скала, поскольку свои права знал твердо. – Я заполнял декларацию. Туризм, осмотр достопримечательностей, отдых на лучших курортах планеты…

– Да, да, вижу… – Усатый смуглый таможенник явно никуда не торопился. Откинувшись на спинку кресла, он впервые посмотрел на собеседника. – Везете с собой багаж? Что-нибудь недозволенное?

Судя по мелькнувшему на лице отблеску досады, пассажир испытал мгновенное искушение брякнуть какую-нибудь дерзкую глупость про полтора килограмма «черного одуванчика» под двойным дном чемодана, однако сдержался, понимая, что в противном случае его, невзирая на протесты, тут же уведут в отдельное помещение и станут трясти по полной программе. Из собственного богатого опыта он прекрасно знал, что пограничников и блюстителей порядка еще в училище натаскивают сразу делать стойку на такие заявления, потому что далеко не всегда подобные слова являются безобидной шуткой. У человека в состоянии стресса – а террорист или наркокурьер при пересечении границы безусловно находится в состоянии стресса – зачастую открывается нервический

словесный понос, а спрятанная у него в багаже страшная тайна жжет душу и требует выхода. Поэтому неожиданный вопрос таможенника, заданный прямо в лоб, порой приводит к совершенно искреннему ответу: нервничающему злоумышленнику жизненно необходимо поделиться своей жгучей тайной хоть с кем-нибудь. Разумеется, если контрабандист не законченный неврастеник, то он делает это с расчетом тут же перевести все в шутку. Но этого ему уже не позволяют.

Пару мгновений мистер Сименс все же колебался: а не озвучить ли все-таки таможеннику не существующие на самом деле полтора килограмма «черного одуванчика» и не закатить ли потом восхитительный грандиозный скандал, когда его обшмонают с ног до головы и ничего предосудительного не найдут? Это было бы вполне в характере богатого прожигателя жизни вроде него, который чрезвычайно ценит свое драгоценное личное достоинство. Однако в итоге он с сожалением отказался от этой идеи: для его масштаба это было бы слишком мелко. Ничего, он наверстает свое в отеле. Там у него будет масса поводов с наслаждением раздуть какой-нибудь скандал погромче.

– Вот весь мой багаж, – путешественник поднял чемоданчик. – Изволите взглянуть?

– Нет, не нужно, его уже просветили на выходе из посадочного отсека. – В отличие от начинавшего понемногу закипать пассажира, таможенник являл собой воплощенное азиатское спокойствие – чуть презрительное и с оттенком превосходства, но вполне корректное. – Стало быть, вы совершенно ничего не желаете задекларировать?

– Совершенно ничего не желаю. – Пассажир покачал головой. – У вас другое мнение? Вы обнаружили в моей ручной клади нечто недозволенное?

– Нет-нет, с вашим багажом все в порядке. – Таможенник неторопливо пробежал пальцами по виртуальной клавиатуре, но легкий металлический барьер, который должен был открыть пассажиру доступ в зал ожидания, по-прежнему оставался закрытым.

– Послушайте, – размеренно проговорил Сименс, глядя в переносицу пограничному чиновнику. – Мне говорили, что ваша планета – туристический рай. Мне говорили, что это лучшее место в Галактике, чтобы со вкусом

потратить тысячу-другую кредитов. Мне говорили, что местные жители и государство безмерно рады гостям. Но такой холодный прием прямо на границе заставляет меня серьезно в этом усомниться. Может быть, мне лучше переговорить с вашим руководством, поскольку с вами у нас явно возникло какое-то недопонимание?

– Я нижайше прошу вас простить недостойного, – церемонно поклонился таможенник из-за пуленепробиваемого стекла, – сами понимаете – бюрократические процедуры… Все в порядке. Пожалуйста, приложите еще раз запястье к сканеру…

Пассажир с недовольным видом повиновался. Устройство пискнуло, сигнализируя, что на подкожный чип пассажира записана дата прибытия.

– Добро пожаловать в королевство Аль-Сауди, сэр, – преувеличенно любезно улыбнулся таможенник, и металлический барьер скользнул в сторону.

Метрах в пятидесяти от стоек паспортного контроля, в служебном помещении космопорта, доступ в которое был закрыт даже для местного персонала, двое смуглых мужчин в синих форменных рубашках с коротким рукавом сидели перед виртуальным монитором и внимательно изучали ползущую по нему информацию, считанную с чипа мистера Сименса, а также записи, полученные по молниеносному запросу из международного банка данных Космопола. Таможенник, подавший работникам спецслужб тайный сигнал, специально тянул время, чтобы они успели оценить поступившие данные.

– Это он, – проговорил один из мужчин, не отрывая взгляда от монитора. – Определенно. Нет, но каков наглец – прибыть под собственным именем! Либо он чересчур самоуверен, либо очень хорошо прикрыт. Либо…

– Либо это не он, – мягко докончил второй то, что не захотел произнести первый. – Вы когда-нибудь его видели, любезный Селим? Я тоже нет. Что, если это действительно мистер Джебедайя Сименс, владелец солидного бизнеса по производству бытовой техники? Между прочим, известная в Соединенных Мирах торговая марка.

– «Сименс»? Не знаю, ни разу не слышал. – Первый помолчал, вглядываясь в монитор и шевеля губами. – Нет, это он. Вот, видите, эфенди Азам? Один

официальный источник ссылается на другой, а второй – на первый. Информация закольцевалась. Это определенно фальшивка.

– Либо мистер Сименс просто оптимизирует таким образом свою налоговую схему, – заметил второй. – Да, преступление по нашим законам, но пусть с этим разбирается то государство, в котором зарегистрирован его бизнес и которому он наносит ущерб, недоплачивая налоги. Либо в системе Космопола просто произошел программный сбой. Либо сегодняшний оператор у них – лентяй и растяпа, в чем мы уже неоднократно имели возможность убедиться и раньше. В нашей благословенной державе такой не прожил бы долго… – Он помолчал. – Всякие бывают совпадения. Возможна ли такая неосторожность со стороны профессионала? Лицо у этого типа самое обычное, ничем не примечательное. Нет таких характерных черточек, которые выдают опытного бойца, – вот как у вас, например.

Селиму было приятно, что высший чин польстил его самолюбию, однако он, ничем не выдав этого, подчеркнуто сурово проговорил:

– Я всегда полагал, что виртуозный убийца, особенно тот, которому удается успешно действовать годами, должен иметь самое обычное и невыразительное лицо. Черты бойца для такого человека – непозволительная роскошь.

– Что ж, – эфенди Азам откинулся в кресле, – гадать можно долго…

Глаза Селима хищно сузились:

– Значит, прощупаем?

– Только очень осторожно, – предупредил Азам. – Не калечить. Что, если это и правда мистер Сименс, уважаемый бизнесмен?.. Нам не нужен лишний скандал, мы и так последнее время ходим по лезвию скимитара. Ваши люди готовы?

– Да, эфенди.

– Приступайте.

Тем временем мистер Джебедайя Сименс, небрежно помахивая чемоданчиком, миновал зону дьюти-фри и выбрался в зал ожидания. Все космопорты в Галактике, в общем-то, похожи друг на друга, однако местные зодчие даже типовой архитектурный проект сумели решить в вычурном восточном стиле. Денег здесь явно считать не привыкли. Стены и потолок обширного зала украшали золото, бархат и изысканная роспись, плети причудливых экзотических цветов спускались до самого пола, образуя самые невероятные узоры. Урны были выполнены в виде живописных пней многовековых деревьев. Полюбовавшись роскошью королевского космопорта, пассажир приметил в углу туалет и, тут же забыв про эстетические потребности организма, устремился туда, чтобы утолить потребности физиологические.

Едва он скрылся за качающимися дверями, к ним двинулись трое арабов в черных костюмах, до этого бесцельно бродившие в толпе прибывших с последним транспортом. Зайдя в туалет, объект значительно упростил им задачу.

– Смотрите внимательно, эфенди, – с удовольствием проговорил Селим, переключая монитор. – Работают профессионалы.

Теперь висящий в воздухе экран был поделен на три части – на него выводилось изображение с камер, закрепленных за левым ухом у каждого из парней в черном. Кроме того, чуть ниже отражались медицинские параметры каждого агента, по которым можно было судить о его состоянии – уровень пульса, количество адреналина в крови, температура тела и так далее.

Перед каждым из экранчиков на мониторе по очереди качнулись двери туалета. Внутри тоже было роскошно – пожалуй, в таком интерьере и таких пространствах не отказался бы оборудовать свой кабинет директор американской компании средней руки. Затем все три камеры продемонстрировали подозрительного гостя, который, водрузив свой чемоданчик на специальную полочку для багажа, расслабленно прильнул к писсуару.

– Прошу прощения, сэр. – Голос агента громом перекатился во встроенных колонках, и эфенди Азам укоризненно покосился на Селима; тот немедленно убавил звук.

– Это вы мне? – искренне удивился мистер Сименс. – В чем дело? Одну секунду, я сейчас уже закончу.

Он поспешно застегнулся и протянул руку к своему чемоданчику, но снимать его с полки не стал, лишь взялся за ручку.

– Вы пойдете с нами, – непререкаемым тоном проронил второй агент. – Нам необходимо удостоверить вашу личность. Не заставляйте нас применять силу.

– Ошибаетесь, – возразил Сименс. – Никуда я с вами не пойду. Какое вы имеете право? Я благополучно прошел паспортный контроль, я свободный гражданин свободной страны и…

Не слушая его разглагольствований, мужчины в черном разом двинулись на него – молча, без каких-либо эмоций, однако довольно зловеще. В подобной ситуации любой мигом сообразил бы, что сейчас ему очень серьезно не поздоровится. Однако загадочный пассажир, похоже, был тугодумом, поскольку наблюдал за приближающимися громилами не с тревогой, а со сдержанным любопытством, словно оценивая на глазок, на что способны эти конкретные человеческие особи.

Когда они находились в трех шагах от него, мистер Сименс щелкнул замочком чемодана. И тут же все три изображения исчезли с монитора, сменившись серым снегопадом статических помех. А в следующую секунду пульс и уровень адреналина в крови агентов скачком повысились.

– Он что-то сделал! – Селим вскочил с кресла. – Вы видели, эфенди?! Он что-то сделал!

– Службу безопасности космопорта, живо! – процедил Азам.

Помахивая чемоданчиком, мистер Сименс вышел из туалета и прогулочным шагом направился на выход к стоянке такси. Когда автоматически распахивающиеся створки сомкнулись за ним, к дверям туалета подбежала группа охранников космопорта. Пнув качающуюся дверь, один из них нырнул внутрь, остальные кинулись следом.

Ни вязать, ни спасать тут было уже некого. Один из агентов, скорчившись, лежал под умывальниками, ноги второго торчали из приоткрытой кабинки. Третий, безвольно уронив руки, неподвижно стоял на коленях перед писсуаром, который несколько минут назад облюбовал мистер Сименс. Голова агента торчала в писсуаре.

Дверь туалета качнулась еще раз, пропуская внутрь двух мужчин в синих рубашках, минуту назад наблюдавших за происходящим через монитор. Они молча обозрели место битвы.

– Работает «Аламут», – сквозь зубы проговорил эфенди Азам, продемонстрировав в пространство служебное удостоверение. – Спасибо, ребята, все свободны. Мы тут разберемся сами.

Охранники один за другим, бочком, не поворачиваясь спиной к вошедшим, покинули туалет. Ввязываться в дела спецслужб не хотелось никому: это всегда было хлопотно и небезопасно.

– Это он, – скорбно качнул головой Азам, когда за последним из них качнулась входная дверь. – Без сомнения, это он. Профессионал экстра-класса.

– Попробуем перекрыть все выезды из космопорта? – осторожно осведомился Селим.

Эфенди несколько мгновений сосредоточенно размышлял, потом снова покачал головой.

– Зачем? Спугнем. Уже спугнули. Он теперь настороже, а специалист такого класса наверняка найдет способ проскользнуть через полицейские кордоны… – Господин Азам задумчиво протянул руку и открутил смывной кран. В писсуар хлынула холодная вода, стоящий на коленях агент зафыркал, захлебываясь и постепенно приходя в себя. – Ладно, будем считать, что вступительный экзамен он сдал. Все сделал грамотно, как и ожидалось. – Эфенди тяжело вздохнул, разглядывая безукоризненные носки своих ботинок. – Организуйте хвост. Демонстративный хвост. Надеюсь, он поймет, что его плотно пасут, если еще не понял.

Он резко развернулся и вышел из туалета.

Чуть в стороне от стоянки такси мистера Сименса уже дожидался черный лимузин представительского класса, присланный за дорогим в прямом и переносном смысле гостем из отеля «Бахир». Человек, забронировавший на две недели президентские апартаменты, вполне заслуживал глубочайшего почтения и комфорта: он не должен был испытывать неудобств абсолютно ни в чем.

Водитель в белых перчатках и форменной фуражке выскочил из лимузина, чтобы принять у гостя багаж, но тот жестом отстранил его. Чемоданчик, в котором находилось замаскированное под кодовый замок многофункциональное устройство, чей мощный импульс напрочь выносил любую электронную приемо-передающую аппаратуру в радиусе нескольких метров, вполне мог понадобиться ему и по дороге в отель. Кто знает, сколько еще встретится на пути всяких хулиганов, хичеров и мелких грабителей, у которых за ухом будет пульсировать крошечный огонек на объективе портативной телекамеры и действия которых, соответственно, наверняка будут координироваться из единого центра…

Пассажир забрался на заднее сиденье длинного лимузина, с наслаждением вытянул ноги, поставил чемоданчик на колени и разрешил стартовать. Глидер взмыл над покрытием дороги и устремился ввысь.

Вначале водитель продемонстрировал пассажиру панораму города с высоты птичьего полета, затем мягко снизился и продолжил полет на небольшой высоте, чтобы можно было различить детали. Удобно развалившись на широком кожаном сиденье, мистер Сименс со сдержанным любопытством разглядывал открывавшееся за тонированным стеклом великолепие.

Королевство Аль-Сауди действительно было сказочно богато, и шикарная архитектура городских районов оказалась ярким тому подтверждением. Гигантские, уходящие в стратосферу небоскребы изгибались под самыми невероятными углами и нависали над магистралями циклопическими скальными массивами. Многочисленные просторные площади и проспекты были выложены разноцветной мозаикой, изображавшей арабскую вязь. Толпы местных жителей и туристов спешили по тротуарам широких и прямых как стрела проспектов либо неспешно перемещались в тенистых садах и парках. Повсюду пышно буйствовала зелень, на мелькавших по сторонам клумбах цветами изумительной красоты были выложены гербы и эмблемы правящего дома Саудов. На

нескольких уровнях перпендикулярно друг другу стремительно двигались стройные транспортные потоки. И со всех фасадов зданий, с мостов, с многочисленных рекламных щитов и растяжек на жителей города высокомерно взирал молодой король Абдельмаджид аль-Сауди Двенадцатый, один из самых завидных женихов Галактики. Зачастую он был изображен вместе со своим отцом, покойным королем Абдаллой. Количество портретов старого монарха совсем ненамного уступало количеству изображений нового главы государства – местные жители чтили дедушку Абдаллу как ревностного воина Аллаха и рьяного защитника своих подданных, при котором могущество королевства и благосостояние людей достигли невиданного расцвета.

Второй раз за многовековую историю королевства саудитов оно ухватило удачу за хвост, найдя первоклассный источник процветания. Когда-то в древности это была драгоценная нефть, позволившая отсталому государству разом перескочить из феодализма в космический век. Теперь, уже в космическую эпоху с ее гигантскими расстояниями, королевство нашло не менее драгоценный по нынешним меркам ресурс – удобное местоположение. Вышло так, что после формирования основных зон влияния и протекторатов в Галактике колония Аль-Сауди оказалась точно на пересечении четырех основных звездных трасс. В результате отсталая аграрная планета за полвека сделала колоссальный рывок вперед, став одним из главных транзитных узлов обитаемого мира.

Кроме того, старый король Абдалла, невзирая на глухой ропот шейхов, официально разрешил инопланетным туристам-немусульманам предаваться на территории королевства относительно невинным порокам – пышным цветом расцвели игровые клубы, питейные заведения, пикантные шоу и дома терпимости, и Аль-Сауди в короткий срок стала туристической меккой Галактики. Деньги, как известно, не пахнут, а монарх, по совместительству выполнявший обязанности высшего духовного лица вверенного ему королевства, взял нелегкие переговоры с Пророком и небесным владыкой на себя. В результате чистые моря, свежий воздух и райский климат экваториального пояса планеты, ранее никому даром не нужные, теперь из-за доступности и развитой инфраструктуры стали пользоваться огромной популярностью у любителей пляжного отдыха из цивилизованных миров. Воистину Аллах благоволил саудитам, если во второй раз в истории привел их к такому невероятному процветанию.

Мимо лимузина проплыл модерновый музей исламской культуры, представлявший собой гигантскую пирамиду из стекла и металлопласта,

перевернутую вершиной вниз. Казалось, что вот-вот эта неустойчивая циклопическая конструкция завалится на одну из граней и рухнет, погребая под собой несколько окрестных кварталов, однако такое ощущение, разумеется, было ложным. Сименса весьма заинтересовало, каким образом эта махина удерживается в равновесии (причем с солидным запасом прочности, иначе здание не приняла бы в эксплуатацию местная экспертная комиссия, о придирках которой в Соединенных Мирах ходили легенды), имея в качестве точки опоры всего-навсего площадь стандартного американского офиса. Спрашивать водителя, конечно, было бессмысленно, поэтому бизнесмен сделал себе пометку в долговременной памяти поинтересоваться об этом у кого-нибудь из высокопоставленных лиц Аль-Сауди, когда он сведет с ними знакомство.

Старый король Абдалла, безусловно, был мудрым человеком. Он сумел поставить дело так, что его держава стала крайне удобным партнером для самых разных игроков на мировой арене. В первую очередь, конечно, для Соединенных Миров, транзитный тариф для которых был установлен самым низким. Благодаря этому американцы обеспечивали две трети всего объема грузооборота. Аль-Сауди исторически считалось стратегическим партнером Соединенных Миров и, хотя и не было их официальным военным союзником, содержало на своей территории самую большую американскую военную базу за рубежом – что, в свою очередь, позволяло королевству не опасаться слишком пристального внимания со стороны могучих хищников-соседей вроде Ниппона. С другой стороны, у державы были прекрасные отношения и долгосрочные взаимовыгодные торговые контракты с главным конкурентом Соединенных Миров – Российской Империей, в первую очередь потому, что Аль-Сауди, в отличие от других фундаменталистских государств, не вкладывало денег в вооруженную экспансию ислама. Для Империи, в которой исторически высок был процент мусульман и которая постоянно подвергалась скрытому давлению американцев, стремящихся расколоть Россию на христианскую и мусульманскую общины, это было особенно важно. Поддерживало Аль-Сауди плодотворные связи и с Ниппоном, и с Османией – одним словом, старый монарх умел искусно лавировать в штормовых водах внешней политики, в которых вполне могло бы затонуть и более крупное судно. Неудивительно, что его смерть вызвала такое горе у осиротевшего народа. Особенно когда на престол взошел молодой король Абдельмаджид – полная противоположность своему царственному отцу…

Лимузин плавно опустился перед парадной лестницей отеля «Бахир». Стремительно сбежавший по ступенькам швейцар в переливающейся всеми цветами радуги форме попытался забрать у мистера Сименса чемоданчик, но американец вежливым жестом остановил его.

Встречать дорогого гостя вышел сам администратор отеля, заранее оповещенный водителем лимузина по коммуникатору, что мистер Сименс вот-вот будет доставлен. Вознося хвалу Аллаху за то, что тот послал им такого замечательного постояльца, администратор по багряной ковровой дорожке повел американца на ресепшн, где его мгновенно зарегистрировали, а потом усадил в лифт с прозрачными стенами и попросил приложить запястье к специальному окошку над двумя рядами кнопок. Сименс повиновался, и лифт начал торжественно возносить их на последний этаж. Лифтовая шахта выходила в огромный внутренний атриум под стеклянной крышей, поэтому весь отель в разрезе медленно проплывал перед их глазами.

– Тут у нас солярий и дендрарий, – с удовольствием пояснял радушный хозяин, – здесь большой бассейн и теннисный корт. Мы хотели еще оборудовать поле для гольфа, но потом решили, что под крышей это будет профанация. – Он засмеялся. – На этом этаже – лучший в столице спа-центр, элитный фитнес-салон с тренажерным залом, косметический кабинет и массажные номера. Здесь экспресс-бар, в котором также подают спиртное…

– Я не успеваю запоминать, – улыбнулся гость.

– О, не беспокойтесь, если вам понадобится информация, все это есть в памяти телестены в вашем номере. А вот это, – администратор указал на огромные стеклянные двери, украшенные золотой арабской вязью, – сердце нашего отеля. Казино «Бахир»! Самое крупное и роскошное в королевстве. К нам приезжает играть сам эфенди Абу-Омар, – он доверительно понизил голос. – Не говоря уже о менее значительных, но все равно очень весомых фигурах. Рад сообщить, что для столь почетного гостя, каким являетесь вы, в нашем казино открыт кредит на пять тысяч дирхемов.

– Я много слышал о вашем казино и непременно посещу его, – пообещал Сименс. – Тем более что добираться мне, насколько я понимаю, не так далеко.

Они вышли из лифта и остановились перед высокими, в два человеческих роста, дверями президентских апартаментов.

– Никто из посторонних не сможет сюда подняться, – пояснил администратор. – Допуск записан на ваш подкожный чип, без него лифт не повезет постояльца на последний этаж. А теперь, пожалуйста, приложите запястье к датчику возле

двери.

Гость так и сделал, после чего двери автоматически распахнулись.

– Прошу вас, располагайтесь как дома! Картины на стенах – подлинники. Здесь ванная зала и сауна с небольшим бассейном: в вашем распоряжении джакузи, душевая кабинка, биде. В этой комнате домашний кинотеатр, здесь спальня, здесь гостиная. Полная звукоизоляция, превосходная вентиляция – курить можно прямо в комнатах. Бесплатное высокоскоростное подключение к информационной сети. Превосходный вид из окна! – Администратор нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и шторы автоматически раздвинулись, впустив в шикарные апартаменты солнечный свет. – Я искренне надеюсь, что пребывание у нас доставит вам удовольствие. Если возникнут какие-нибудь вопросы или понадобится обслуживание в номерах, девушки на ресепшн всегда готовы помочь, на столе устройство прямой связи. Если же вам что-либо не понравится, звоните мне в любое время дня и ночи, мы непременно решим вашу проблему. – Администратор церемонно вручил гостю визитку с микрочипом: номер можно было не набирать вручную, достаточно было приложить визитку к коммуникатору, чтобы тот самостоятельно связался с абонентом. – Что ж, если у вас больше нет вопросов, я вас оставляю. Пожалуйста, отдыхайте с дороги.

– Большое спасибо. – Мгновение мистер Сименс соображал, стоит ли давать топ-менеджеру столь высокого уровня на чай, и наконец решил ограничиться благодарной улыбкой, дабы не оскорблять радушного хозяина.

Когда администратор ушел, гость поставил свой чемоданчик на массивный стол благородного междацкого дерева, прошел в спальню и прямо в ботинках завалился на кровать. Глядя в потолок, он лениво размышлял, установлены ли в номере подслушивающие и подглядывающие устройства. С одной стороны, как же им не быть, если в этих апартаментах можно собирать чрезвычайно ценную информацию – здесь останавливаются фигуры такого масштаба, что даже их пустой застольный треп или пение под душем ценятся на вес золота. С другой стороны, именно по причине максимальной в человеческом обществе категории останавливающихся здесь гостей тайно наблюдать за ними предельно рискованно – если слежку обнаружат, возникнет грандиозный скандал, который обрушит ниже плинтуса и репутацию отеля, и престиж всего королевства. Едва ли игра стоит свеч.

Или все-таки стоит? Насколько «Аламут», местная секретная служба, осторожен и уверен в себе?

Получить гарантию от прослушивания было довольно просто: достаточно лишь привести в действие электронное устройство, замаскированное под кодовый замок чемоданчика. Только, во-первых, стоит постояльцу покинуть номер, как в его отсутствие все выведенные из строя «жучки» немедленно заменят на новые. А во-вторых, если происшествие в космопорту еще можно было считать взаимным прощупыванием – вроде как два сильных человека, пожимая друг другу руку, стискивают пальцы, показывая свою силу и проверяя соперника на прочность, – то уничтожение чужой аппаратуры равносильно открытому объявлению войны. А как раз войны-то пока и следовало избегать.

Вздохнув, он набрал на коммуникаторе номер местного вип-ателье по прокату смокингов. Следовало готовиться к вечернему выходу в высший свет и первому грандиозному скандалу из череды запланированных.

Глава 2

В отличие от мистера Джебедайи Сименса, мисс Дженнифер О’Хара миновала паспортный контроль за полминуты и безо всяких проблем. Правда, летела она другим рейсом в первой половине следующего дня и проходила контроль в другой кабинке. Пограничник только проводил ее восхищенным взглядом, но заговорить так и не осмелился. Пожалуй, у нее действительно было на что взглянуть. А если учесть, что на мисс О’Хара были только коротенькие шортики, крошечный топик с глубоким вырезом и стильные пляжные шлепки, то многие лакомые детали ее интерьера были вполне доступны для всеобщего обозрения.

Опять же в отличие от мистера Сименса, которому подали черный лимузин, мисс О’Хара на остановке такси рассудительно забралась в старый желтый водородник, проезд в котором стоил втрое дешевле, нежели в новеньком синем глидере. Для местных жителей, впрочем, тариф на такси бизнес-класса стоил ровно столько же, сколько для приезжих машина класса эконом: королевство проводило политику оголтелого протекционизма своим подданным, на что, впрочем, мировое демократическое сообщество охотно закрывало глаза, так как выгод от сотрудничества с Аль-Сауди было куда больше, чем от попыток

либерализовать местное законодательство в духе общечеловеческих ценностей.

Шофер трещал без умолку и так часто оборачивался к пассажирке, что ей приходилось ежеминутно напоминать ему, чтобы он следил за дорогой. Их пути с мистером Сименсом разошлись приблизительно на четвертой минуте поездки, когда впереди замаячили цилиндрические небоскребы деловой части города: черный лимузин накануне устремился к центру напрямик через крыши, желтый же водородник, следуя изгибам трассы, свернул к окраине. За окошком мелькали бедные кварталы, в которых ютились гастарбайтеры и эмигранты, обслуживавшие экономическое чудо королевства; местные жители при желании могли не работать совсем, поскольку им полагалась пожизненная рента из государственного бюджета, а те, кто не хотел проводить свои дни в праздности и желал большего, выбирали более чистые и менее обременительные профессии, нежели уборка улиц, строительство небоскребов или вождение городского транспорта – их куда чаще привлекали карьеры врачей, кадровых военных и священнослужителей.

Таксист высадил даму возле окраинного хостела, взял с нее более чем умеренную плату (за удовольствие прокатиться с такой красивой девушкой самому платить надо, пояснил он) и тут же уехал, не пытаясь дождаться следующего пассажира – то ли знал, что здесь это бесполезно, то ли опасался долго стоять в трущобах.

Впрочем, трущобами это можно было назвать только по сравнению с шикарными кварталами столицы, которые Дженнифер мельком увидела из окошка водородника. На многих планетах Соединенных Миров такие микрорайоны считались бы достаточно респектабельным жильем для нижнего слоя среднего класса – современные кремовые трех– и пятиэтажки с увитыми виноградом просторными лоджиями и внутренними двориками, небольшие скверы и зеленые насаждения вдоль трассы, прячущиеся среди зелени многочисленные киоски и магазинчики. Предыдущий владыка Аль-Сауди заботился не только о своих подданных; по его мнению, иностранные гастарбайтеры тоже должны были жить хотя бы в минимальном комфорте, дабы не плодить грязь, пороки и преступность. Однако опытный глаз мисс О’Хары тут же выхватил из общей картины отдельные фрагменты, которые мешали ей поверить в полное благополучие, процветание и довольство жителей микрорайона. Ларьки и магазинчики в самое ходовое время суток по большей части были закрыты, а некоторые вообще заброшены – через их выбитые окна буйно прорастала странная высокая трава с колючими стеблями. В домах там и сям виднелись

почерневшие квадраты лопнувших окон: после пожара ремонтом никто не озаботился, и теперь эти обугленные шрамы уродовали приветливые фасады. Растительность, которую явно когда-то аккуратно подстригали и регулярно поливали, росла теперь вкривь и вкось, некоторые деревья засохли и торчали посреди зеленых островков коричневыми скелетами, кусты вылезали на проезжую часть, и машины задевали их бортами, отчего листва на ветвях выглядела грязной и измочаленной. Некоторые бордюрные камни были расколоты и вывернуты из грунта. А вон на другой стороне дороги лежит с закрытыми глазами человек в лохмотьях, и никто не спешит к нему на помощь…

Волоча за собой по разбитому тротуару чемодан на колесиках, Дженнифер О’Хара добрела до дверей хостела (вполне приличные двери и крыльцо, только вот ветер перекатывает по грязным ступеням бумажные пакеты, обрывки пластиковой пленки и другой мусор). Вошла внутрь и решительно двинулась к стойке ресепшн, за которой восседал грузный араб лет пятидесяти в рубашке с короткими рукавами (интерьер тоже ничего, только не ремонтировалось лет десять и стойка в одном месте словно изрезана ножом). Приветливо улыбнулась портье (солидный человек, только на рубашке слева жирное пятно):

– Мне нужно место в женском номере.

Араб смерил ее с головы до ног задумчивым взглядом. Потом еще раз – в обратном порядке.

– Место, – напомнила девушка, когда пауза затянулась. – В женском номере. Вы понимаете интерлингву? Может быть, мне перейти на английский?..

– Я понимаю интерлингву, – неторопливо, с достоинством кивнул портье, глядя дюймов на пять ниже подбородка собеседницы. – У меня такая работа, что мне необходимо знать интерлингву. Стало быть, место, – задумчиво констатировал он. – В женском номере. – Он наконец оторвал взгляд от прелестей Дженнифер и перевел его на древний монитор на своем столе. – Только предупреждаю сразу, они все четырехместные. А есть вообще шестиместный. Но удобства все равно в конце коридора.

– Мне без разницы.

Портье пошелестел сенсорной клавиатурой.

– Пять пятьдесят в сутки, время пошло, – заявил он наконец. – И деньги вперед. Если по истечении срока плата за следующие сутки не внесена, я выбрасываю твои вещи на улицу.

– Сурово, – оценила гостья. – И при таких спартанских условиях вы еще деретe такие деньги?

– Добро пожаловать в Аль-Сауди, самое богатое государство этого сектора Галактики.

– Кредитные карточки принимаете?

– Только банковских систем королевства.

– Черт знает что. – Мисс О’Хара пошарила в заднем карманчике шортов и шваркнула на стойку мелочь – сдачу, которую ей выдали, когда она после прилета перекусила в баре космопорта.

Араб безразлично сгреб деньги со стойки, пересчитал в ладони. Три мелкие монеты положил обратно на стойку рядом с карточкой ярко-оранжевого цвета, толкнул в сторону клиентки:

– Лишнего не надо. Это твой ключ, джамиля[1 - Джамиля (арабск.) – красавица.]. Номер 413, верхняя койка у окна.

– Тараканов у вас хотя бы нет? – безнадежно осведомилась Дженнифер.

– Если в гостинице нет тараканов, это верный повод задуматься, все ли в порядке с гостиницей, – рассудительно заметил портье. – Таракан – животное чуткое и прекрасно понимает, где жить нельзя.

– Таракан – это насекомое. – Гостья сгребла со стойки карточку-ключ и, громыхая чемоданом по неровностям пола, двинулась по коридору к лифту. – Как и большинство мужчин, – буркнула она, не оборачиваясь.

Портье с кислой улыбкой посмотрел ей вслед. Он хотел предупредить американскую джамилю, что топик и шорты – не самый удачный костюм для его хостела, полного наркоманов и всякой шантрапы. У него самого была взрослая дочь, и он очень не хотел бы, чтобы она даже гуляла в этом районе. Ох, как все изменилось со времени кончины благословенного короля Абдаллы, да будет Аллах к нему благосклонен и за порогом… Однако последнее замечание американки запечатало ему уста. Шайтан с ней, с этой рыжей девкой. Она явно не первый раз живет в хостеле, поскольку условия проживания только слегка удивили ее, но отнюдь не шокировали. Стало быть, шлюха хорошо знает, на какие проблемы можно нарваться в таких заведениях, и если сама ищет их на свою голову – что ж, иншалла[2 - Иншалла (арабск.) – такова воля Аллаха.]. Добро пожаловать в Аль-Сауди, рай среди обитаемых миров.

Двери лифта на четвертом этаже раскрылись с трудом. Обнаружилось, что к ним, сидя на полу, привалился спиной смуглый мужчина бомжеватого вида, под которым натекла темная лужа с острым запахом аммиака. Потеряв опору, он повалился прямо в кабинку. Дженнифер бесцеремонно отодвинула его с дороги, объехала неприятную лужу и покатила чемодан по узкому, слабо освещенному коридору, разыскивая свой номер.

Посреди коридора стоял, подпирая левым плечом стену, парень арабской внешности в кожаной безрукавке, с виду типичный хичер, хотя у него и не имелось ни светящихся татуировок на лысом черепе, ни разноцветной взлохмаченной прически – появляться в таком виде на улице было небезопасно, потому что королевская полиция строго следила за достойным внешним видом прохожих. У мисс О’Хара тоже наверняка возникли бы неприятности, вздумай она разгуливать в топике и шортиках возле королевского дворца или в фешенебельных районах города. В курортных зонах планеты подобный внешний вид на улице с большой неохотой, но все же допускался. Однако в этом районе полицейские не появлялись уже давно. Последний раз их здесь видели во время похорон прежнего короля.

Судя по расфокусированному бессмысленному взгляду, подрагивающим пальцам и беспомощной позе, парень не сумел добраться с первого захода до своего номера и теперь отдыхал, пережидая внутреннюю бурю и набираясь сил для следующего рывка. «Черный одуванчик» не щадил своих рабов, заставляя их щедро рассчитываться за пристрастие к этому дешевому наркотику спинным мозгом и нервными клетками. Однако едва завидев в конце коридора соблазнительную женскую фигуру, хичер мгновенно обрел второе дыхание и

отлип от стены, загородив Дженнифер дорогу.

– Привет, джамиля! – заплетающимся языком проговорил он, покачиваясь и демонстрируя в широкой американской улыбке полусгнившие изжелта-черные зубы.

Не поднимая взгляда, мисс О’Хара упрямо топала прямо на него.

– Привет, джамиля! – сделал вторую попытку парень, уже начисто забыв о первой, когда через несколько мгновений девушка подъехала с чемоданом почти вплотную к нему. – Это… Шмаль есть? – Он безуспешно попытался сфокусировать взгляд на молчащей Дженнифер. – Ты это… интерлингву-то понимаешь, пери[3 - Пери (арабск.) – небесное создание.]?

– Я понимаю интерлингву, – скучным голосом проговорила джамиля. – У меня такая работа, что мне необходимо знать интерлингву. Теперь я могу проехать?

– А то пойдем это… перепихнемся по-быстрому, – предложил доставала, раскачиваясь, словно тростник на ветру. – На раз-два. У меня в номере «одуванчик» есть. А? Дунем – и это… В койку. А?

– С дороги уйди, последний раз прошу по-хорошему, – устало проговорила О’Хара.

– Да ладно тебе! – Хичер протянул грязную ладонь и попытался сбоку погладить тугую грудь девушки, натянувшую тонкий топик. – Детка, мы с тобой можем славно…

Ленивым, почти неуловимым движением Дженнифер перехватила его руку и двумя пальцами крепко стиснула лучезапястную кость. Парень заорал от резкой боли, мгновенно прочистившей затуманенные наркотиком мозги.

– Ах ты, дрянь! Пусти! Это… пусти!.. – Он попытался ударить ее тяжелым ботинком в коленную чашечку, но девушка ловко увернулась, а затем, коротко шагнув к противнику, заломила ему за спину пострадавшую руку, взяв ее на излом в запястье и локтевом суставе с такой силой, что эротоман склонился чуть ли не до земли, неспособный выпрямиться от ослепительной боли. Малейшее

движение усиливало эту боль в разы.

– Выбирай, – нежно проворковала девушка ему на ухо, – ударю по яйцам или сломаю руку. Время пошло.

Оскалившись, несостоявшийся мачо бешено вращал глазами. Унизительное положение, в котором он оказался по воле самки, ему определенно не нравилось.

– Сука! – яростно прохрипел он наконец. – Это… Сука рваная!..

– Понятно. Значит, я выберу сама.

Девушка резко дернула заломленную руку противника на себя. Хичер панически прянул в ту же сторону, чтобы ослабить невыносимую боль в запястье и локте – и со всего размаха напоролся низом живота на услужливо подставленную коленку Дженнифер, твердостью соперничавшую с железобетонной балкой.

Несчастный араб упал на колени, от страшной боли не в силах ни охнуть, ни вздохнуть, ни издать какой-либо звук. Потом медленно завалился набок, прижимая руки к своему пострадавшему достоинству.

– Этот народ совершенно не готов к демократии, – скорбно констатировала мисс О’Хара, переступая через скорчившееся на полу тело. – Не могут сделать даже такой простой выбор.

Она перевезла через поверженного противника чемодан на колесиках и двинулась дальше по коридору.

Зайдя в номер, она первым делом познакомилась с новыми соседками, которые сидели на нижней койке у окна и играли в карты. Толстая и усатая Зухра работала уборщицей в одном из офисных зданий делового центра – на ее родном Алитете не было даже такой работы. Анемичная и невзрачная Мелисса с острым носом приехала изучать в языковой среде арабский язык, чтобы потом устроиться на работу в филиал какой-нибудь местной корпорации в Соединенных Мирах. Третьей, студентки Астрид, путешествовавшей по Галактике космостопом, дома не оказалось – то ли осматривала

достопримечательности, то ли отправилась на свидание с горячим арабским парнем. Побросав вещи в шкаф, Дженнифер без всякого смущения переоделась (девчонки только завистливо сглотнули) в такие же топик и шортики, в каких приехала, только более свежие, прихватила свою кредитную карточку, помахала соседкам и вышла из номера.

Пострадавший хичер снова стоял, покачиваясь, посреди коридора.

– Привет, джамиля!.. – Судя по всему, из его одурманенной башки уже благополучно выветрилось все, что произошло здесь четверть часа назад, и если что его и беспокоило, так это странные и беспричинные боли в паху. – Пошли это… перепихнемся. Или шмали дунем. У меня в номере это…

На сей раз у мисс О’Хара не было громоздкого чемодана, поэтому она просто скользнула по стене, огибая незадачливого ловеласа, и последние слова он договаривал уже ей в спину. Озадаченно почесав в затылке, он забыл о существовании девушки, едва только она скрылась в лифте, и вернулся к проблеме, которая терзала его последний час: куда он вообще-то идет и какой из этих многочисленных номеров принадлежит ему.

Полчаса спустя желтое такси затормозило возле стрип-бара «Три веселые гурии». Это название вызвало у мисс О’Хара какие-то смутные ассоциации, однако она не стала забивать себе голову всякой чепухой. Отдав таксисту остатки наличности, Дженнифер выбралась из машины и решительным шагом, игнорируя заинтересованные взгляды прохожих, направилась ко входу в бар.

– Моя фамилия О’Хара, – сообщила она безразличному охраннику на входе. – Ваш хозяин ждет меня, я звонила ему из космопорта.

Через несколько минут ее проводили в общий зал, который по причине раннего времени был практически пуст. Хозяин стриптиз-бара, достопочтенный Салех, который сидел за одним из столиков и что-то подсчитывал на портативном компьютере, не соизволил даже оторвать толстый зад от кресла, чтобы поприветствовать даму.

– Значит, Дженнифер О’Хара, – проговорил он на интерлингве, глубоко затягиваясь ароматным дымом из кальяна и глядя на нее маслеными глазками. – Здравствуй, моя хорошая. Как долетела?

– Отвратительно, – надула губки Дженнифер. Господин Салех и внешне, и по манере общения остро напомнил ей Рэка Ормонта, владельца другого стриптиз-клуба с Талгола, в котором ей когда-то приходилось выступать. Такая же толстая, самоуверенная амеба, для которой женщина – только бессловесный инструмент для добывания грязных денег. На самом деле абсолютно все владельцы подобных заведений, в которых ей когда-либо приходилось выступать, были похожи друг на друга, как родные братья. – Летать третьим классом врагу не пожелаешь. И устроилась жить в какой-то дыре. Жду не дождусь, когда смогу выйти работать, чтобы поскорее переехать в более приличное место.

– Не сомневаюсь, что это произойдет скорее, чем ты думаешь, – благостно покивал Салех. – Ты еще красивее, чем на голозаписи.

– Я совершенно нефотогеничная, – самокритично признала мисс О’Хара, чтобы тут же напористо добавить: – Однако ужасно милая и сексуальная в реальной жизни. Просмотр устроим сейчас? Этот тоже будет присутствовать? – Она наконец соблаговолила обратить внимание на лысого араба в белых одеждах, толщиной соперничавшего с хозяином заведения, который сидел напротив Салеха и неотрывно смотрел на нее.

– Это господин Казим, мой коллега, – пояснил хозяин стрип-клуба. – Он заинтересовался твоими голозаписями и изъявил желание присутствовать на живом просмотре. Его заведение куда респектабельнее моего, так что тебе вполне может повезти вытащить счастливый билет.

– Ну, публики я в любом случае не боюсь. Это моя работа.

Господин Казим шевельнулся и что-то негромко произнес по-арабски. Голос у него был высокий и визгливый, казалось, что говорит подросток.

– Чего он? – подозрительно поинтересовалась Дженнифер.

– Интересуется, знает ли твоя мама, чем ты занимаешься, – лукаво прищурился Салех.

– Господи, а это-то тут при чем?! – до глубины души оскорбилась О’Хара. – Я что, не могу сама за себя решать? Я уже взрослая девочка. Я к вам поехала, ни у кого не спрашиваясь, потому что кому какое дело до моей личной жизни?.. Наши все вообще уверены, что я двинула по студенческому обмену на Кратидес…

Крылья носа владельца клуба хищно раздулись. Девка была поразительно глупа и сама рвалась в расставленные им сети. Просто грех перед лицом Аллаха не воспользоваться такой идиоткой.

– Хорошо, красавица, – вкрадчиво проговорил он. – Можем начать просмотр прямо сейчас.

Зазвучала музыка с восточным колоритом. Девушка забралась на подиум, поймав ритм, сладко потянулась и заскользила по сцене, эффектно выгибая спинку, энергично работая тазом и забрасывая руки за голову. Наблюдая за ее идеальной пластикой, господин Салех одобрительно покачивал головой в такт музыке и время от времени кидал на коллегу победоносные взгляды: а я что тебе говорил?! Эфенди Казим смотрел, как мисс О’Хара перемещается по сцене и неторопливо избавляется от топика, холодным змеиным взглядом, никак не проявляя своих эмоций.

Наконец музыка оборвалась.

– Очень хорошо, – удовлетворенно промурлыкал хозяин клуба, – очень хорошо…

Он подал девушке руку, помогая спуститься с подиума. Шагнув с последней ступеньки, она оказалась между двух мужчин, которые даже не подумали посторониться; господин Салех, умиротворенно сложив руки на животе, хранил молчание, в то время как лысый толстяк, поднявшийся из-за столика во время выступления Дженнифер, принялся деловито и сосредоточенно щупать ее грудь и ягодицы с таким видом, словно выбирал рыбу на рынке. В его прикосновениях не было никакого вожделения – человек просто оценивал качество предлагаемого товара.

– Эй! – О’Хара попыталась оттолкнуть его. – Я не думаю, что это входит в контракт!

– Брось, детка, – примирительно произнес хозяин стрип-бара. – Ты ведь понимаешь, что, кроме танцев, тебе придется оказывать еще кое-какие услуги вип-клиентам… А может, ты вообще девственница? – озабоченно спросил он.

– Еще чего! – обиделась она. – Сам ты девственница! Да не щипайся ты! – прикрикнула она на разошедшегося клиента. – Соблюдай права человека, бедуин чертов!..

Хозяин бара понимающе покачал головой. Если бы эта красивая идиотка, которая польстилась на нереально высокий заработок и поперлась за тридевять земель танцевать стриптиз, никого об этом не предупредив, вдобавок ко всем своим бонусам была еще и девственницей, ее цена подскочила бы втрое. Но нет в мире совершенства; Аллах не дал нам его, чтобы мы всегда тянулись к нему и всеми силами старались улучшить свою несовершенную природу.

Закончив внешний осмотр мисс О’Хары, лысый наклонился к Салеху и вполголоса что-то сказал ему по-арабски.

– Как ты отнесешься, если теперь тебя станут звать Гюльнара? – поинтересовался владелец клуба у Дженнифер.

– Да все равно, – она пожала плечами. – Вообще-то мой сценический псевдоним Киска Мяу, но я готова выступать под любым, какой предложите. Какая разница – Киска или Гюльнара.

– Пластика у тебя хорошая, а восточным танцам обучат, – продолжал господин Салех. – Как ты относишься к восточным танцам?

– Вы платите, как договаривались, и я готова станцевать все, что угодно. Хоть танец маленьких лебедей. Я однажды танцевала народные танцы Третьего рейха – знаете, такие в черной фуражке и высоких кожаных сапогах. Могу я теперь одеться?

– Подожди пока.

– Грузить будем прямо так? – визгливо спросил Казим по-арабски. – Или дадим одеться?

– Прямо так, – безмятежно отозвался Салех. – Меньше шансов, что сбежит.

– Она и приехала-то не сказать чтобы сильно одетая, – заметил клиент. – Гляди, сбежит и нагишом.

– Ну, это уже моя проблема, досточтимый Казим, – заявил хозяин стрип-клуба. – Чтобы не сбежала по дороге. А дальше уже ваша забота, эфенди.

– О, разумеется.

Мисс О’Хара безразлично смотрела между ними, старательно делая вид, что не понимает ни слова из сказанного.

– Что ж, пойдем, моя хорошая, – снова обратился к ней Салех на интерлингве. – Попробуем тебя на другом подиуме, с шестом.

Толстяк Казим тяжело двинулся следом за ними.

– Моя одежда осталась на сцене, – напомнила стриптизерша, когда они привели ее в подсобку. – Чтобы красиво раздеться, мне сначала нужно быстренько одеться. – Она с недоумением оглядела обшарпанные стены и полки с инструментами. – А где шест?..

– Пусть тебя больше не беспокоят ни шест, ни одежда. – Хозяин бара указал на открытый грузовой проем в дальней стене, в котором виднелся подогнанный задом фургончик с поднятой задней дверцей. – Забирайся в машину, моя хорошая.

– Зачем это? – мигом насторожилась девушка. – Такого в контракте не было точно!

– Контракт только что изменился, красавица, – любезно пояснил толстяк. – Полезай в фургон, не трать наше общее время.

– Будьте осторожны, досточтимый Салех, – проговорил клиент по-арабски. – Не повредите товар. Могут остаться синяки.

– Не волнуйтесь, я умею обращаться с упрямыми женщинами, – заверил его владелец клуба. – Кроме того, синяки довольно быстро проходят. Но я все же буду достаточно осторожен, уверяю вас.

Дженнифер привычно и молниеносно прокачала диспозицию. Ударом ноги вырубить хозяина, на противоходе – локтем в солнечное сплетение жирному борову заказчику. И уже в падении достать «вертолетом» скалящегося возле кабины громилу – водителя фургончика, который после того, как она уложит тех двоих, либо отпрянет от неожиданности, либо, скорее всего, бросится на нее, ибо натренирован специально для таких случаев и наверняка готов ко всяким эксцессам. В любом случае завершение движения третьего противника легко просчитывается в момент его начала. Простейшая задачка для второго года службы. Можно считать, что все трое уже вырублены.

Она горько усмехнулась про себя. Не сегодня, детка.

Вместо того чтобы начать ударное движение, она всплеснула руками и панически закричала:

– Что вы себе позволяете! Вы не имеете права! Я гражданка Соединенных Миров! Вы обязаны соблюдать декларацию!.. Наше правительство пришлет сюда звездный флот, чтобы спасти своего подданного!..

– Прекрати меня смешить, тварь, – резко прервал ее хозяин клуба. Его лицо из добродушно-участливого мгновенно стало злым и страшным. – Лезь в машину, иначе я переломаю тебе все ребра!

– И не подумаю даже!..

Салех с водителем с двух сторон надвинулись на нее. Она пыталась по-бабьи защищаться, хлеща их ладонями, царапаясь и упираясь изо всех сил, но они мигом сломили беспомощное сопротивление и швырнули ее в фургон. Оцарапанный водитель все-таки успел болезненно сунуть ей коленом в бедро, так что синяка, похоже, избежать не удалось.

– Выпустите меня! – пронзительно заверещала мисс О’Хара, когда за ней громыхнула металлическая дверь мобиля, отсекая ее от свободы.

Глава 3

Грузовой терминал «Хатами XII», неторопливо вращаясь в безвоздушном пространстве вокруг собственной оси, двигался по орбите с заданными параметрами. Он являлся частью всепланетной карго-системы, за день прокачивавшей через себя миллионы тонн груза со всех концов Галактики. Минералы с Бетельгейзе выгружались для дальнейшего следования в систему Плеяд, редкостное вино с Тайгеты рассортировывалось в мелкие контейнеры для продажи в ближайших звездных системах, партия горнодобывающих роботов «Крашерс» из Соединенных Миров перегружалась на торговые суда для поставок в Османию, Иофрансию и Ниппон. Терминалы работали день и ночь, принося баснословную прибыль правящему дому Саудов, которая, будучи пропущенной через мелкое сито государственных и королевских нужд, проливалась остатками благословенного золотого дождя на благодарное население.

В диспетчерской, контролировавшей грузовые шлюзы P, Q и R, дежурили два ночных диспетчера. Ночь на спутниковом поясе планеты была понятием весьма относительным – на одной стороне планетостационарного пояса царил вечный день, на другой всегда было темно. Однако смена бортового времени суток при помощи светонепроницаемых шторок или искусственного освещения была жестко привязана к суточному циклу той точки на планете, над которой висел орбитальный аппарат – чтобы при перелете на спутниковый комплекс или при спуске на планету у сотрудников и туристов не возникало нежелательного эффекта смены часовых поясов. Поэтому дежурство, которое сейчас несли диспетчеры, считалось ночным, и за него полагался полуторный оклад.

В принципе, два диспетчера одновременно заступали на вахту исключительно ради перестраховки. На самом деле тут и одному нечего было делать – основную часть работы выполняла автоматика, а человеку оставалось только контролировать ее безупречное функционирование и принимать на себя управление в случае редчайших программных сбоев и аварийных ситуаций. Однако диспетчеру необходимо есть, ходить в туалет и давать отдых глазам, он может отвлечься, допустить критическую ошибку из-за переутомления, уснуть, в конце концов. Поэтому для полной гарантии смену несли сразу двое. Надежность работы и бесперебойность грузооборота были основными элементами деловой репутации и, следовательно, финансового могущества

королевства Аль-Сауди.

В помещении диспетчерской горел приглушенный свет, максимально комфортный для человеческого глаза. Перед каждым из работников был развернут огромный, загнутый по краям для полного перекрытия поля зрения виртуальный монитор, на который выдавались вся необходимая информация о работе автоматической погрузочной системы и телеметрические данные.

Диспетчеров звали Азиз и Маджид. Работа у них была довольно легкая, грех жаловаться, однако из этого вытекало одно малоприятное следствие: глубокая скука. На рабочем месте запрещалось смотреть головидение и фильмы, слушать развлекательные радиостанции и музыку, залезать в Глобалнет, читать посторонние тексты. Сотрудник космического терминала во время дежурства должен быть максимально сосредоточен и готов в любой момент вмешаться в автоматизированные процессы, чтобы исправить любую нештатную ситуацию.

Не отрывая взгляда от монитора, Маджид устало потянулся. Задумчиво похлопал себя по груди. В помещении диспетчерской уже четверть часа царила гробовая тишина, нарушаемая время от времени лишь тонким писком сенсорных клавиатур и чуть заметным жужжанием следящих систем: все анекдоты уже давно были рассказаны, позавчерашний матч сборной по увеболу проанализирован со всех сторон, косточки начальству отполированы до зеркального блеска.

Маджид снова постучал себя по груди и наконец решился:

– Может быть, слегка скрасим скучное дежурство? – Он небрежным движением извлек из-за пазухи плоскую фляжку.

– Эй, это нельзя! – переполошился Азиз, нервно ерзая в кресле. – Не гневи Аллаха хотя бы на работе, соблюдай технику безопасности!..

– Да ладно тебе, – миролюбиво сказал Маджид, свинчивая крышечку. – Мы же совсем по чуть-чуть.

– Аллах не велит пить спиртное, – упрямо проговорил Азиз.

– А мы в чайник! – мигом нашел решение изобретательный Маджид. – Как учат мудрые дервиши. Аллах решит, что мы пьем чай, и всем будет хорошо. – Он взял со стола небольшой фарфоровый чайник, выплеснул колыхавшуюся на донышке заварку в корзину для бумаг, быстро опорожнил в чайник фляжку, сунул его под нос коллеге. – Ты только понюхай, какой аромат!

Азиз был вынужден признать, что из чайника действительно распространяется приятное благоухание. Приятель-грузчик, за бесценок таскавший Маджиду ворованный коньяк из местного дьюти-фри, разбирался в алкоголе.

– Он же холодный, – проговорил Азиз, понемногу сдаваясь. – Как же ты собираешься обмануть Аллаха?

– Это холодный чай! – уверенно заявил Маджид. Он взял чайник и аккуратно разлил коньяк по пиалам. – В Соединенных Мирах сейчас очень модно, даже в бутылках продается. Прекрасно тонизирует и утоляет жажду. Ну?

– Ты настоящий шайтан, брат. – Азиз со вздохом взял пиалу. – Отец лжи. Ну что, чокнемся?

– Опомнись. Чаем не чокаются.

– Верно. – Азиз нерешительно поболтал в пиале густую темно-коричневую жидкость. – А начальство потом не унюхает?

– А мы потом пожуем «Раббер Флуамин», и все будет в порядке. Меня еще ни разу не унюхало, по крайней мере.

– От тебя вечно несет флуамином. Смотри, однажды эфенди что-нибудь заподозрит, заработаешь плетей.

– Да ладно тебе каркать-то…

Заранее морщась, они разом выпили. Поставили пиалы на стол, шумно втягивая в себя воздух.

– Крепкий какой, – покачал головой Азиз.

– Стандарт. Сорок градусов.

Слегка подогретые спиртным, они вернулись к работе.

– В районе терминала обнаружен неопознанный объект, – доложил Азиз. Сделал он это скорее от скуки, чем по необходимости, потому что автоматическая система слежения выдала на монитор второго диспетчера точно такую же информацию. – Крошечный…

– Опять ремонтники упустили аварийный модуль, – проворчал Маджид. – Врезать по нему высокочастотным излучением, чтобы потом эти разгильдяи выложили денежки за починку из своего кармана…

– Злой ты какой-то сегодня. – Азиз проводил загадочный предмет целеуловителем. – Нет, это не ремонтный кибермодуль. Великоват, и форма скорее цилиндрическая…

– Мало ли транспортники мусора в открытый космос сбрасывают, – пожал плечами Маджид.

– Мало штрафуем потому что, – отозвался Азиз.

– Злой ты какой-то сегодня, – мстительно вернул Маджид.

– Э! Почему злой? Эти железяки мешают навигации, создают аварийную обстановку. Самим же транспортникам и мешают. Для их же блага штрафуем… – Азиз вздохнул. – Ну что – будем уничтожать?

– Пусть подползет поближе. Хотя бы опознаем, что это за ерунда. А вдруг это грузовой модуль транспорта, потерпевшего крушение где-нибудь на звездной трассе, и он набит, допустим, цирконием? Или какая-нибудь драгоценная контрабанда в аварийно сброшенном отсеке?

– Опять головизора насмотрелся? Там скорее мину найдешь, чем цирконий или контрабанду. Многим конкурентам хотелось бы разрушить репутацию королевства как самого надежного и безопасного транспортного узла. Сейчас подползет поближе и так шарахнет – будут нас по всей Галактике собирать.

– Если бы там были какие-нибудь опасные вещества, система уже верещала бы на весь терминал.

– Ладно. Охота приключений – подождем. Все равно это кусок сбитого американского звездолета, придрейфовавший с Бетельгейзе, или сброшенная разгонная ступень пассажирского челнока…

– Оно подает сигналы! – изумленно перебил его Маджид.

– Ай, шайтан! Слабенькие, но четкие. – Азиз уставился на монитор.

– Спасательная капсула, клянусь Пророком!

– Последняя катастрофа в системе Панеконта произошла более пятнадцати лет назад, – процитировал Азиз фразу из рекламного буклета. – Королевство Аль-Сауди гарантирует высочайшую безопасность пассажирских и грузовых перевозок. За пятнадцать лет эту капсулу должны были обнаружить раз двести.

– А если даже она ухитрилась остаться незамеченной столько времени, то тем, кто в ней находится, помогать уже бесполезно, – поддакнул Маджид.

– В принципе, она вполне могла придрейфовать и из другой системы.

– Тогда спасать тем более некого, потому что в этом случае она путешествует не десяток, а несколько сотен лет.

– И что, выходит, за сотни лет аварийный маячок еще не разрядился? В любом случае устав требует, чтобы мы подняли спасательную капсулу на борт – есть надежда кого-либо спасти или нет. Хоть какое-то развлечение…

– Ну, разве что так. Только капсулу сам будешь вскрывать, доброе сердце, – от вида мертвецов меня тошнит.

Манипулируя силовыми полями и механическими захватами, диспетчеры подтащили спасательную капсулу к станции. В лучах Панеконта блеснула надпись в торце цилиндра: «US MCF», и чуть ниже: «00279085 ISLAND ROCK».

– Торговец, – удовлетворенно кивнул Азиз. – Хоть и американец. Стало быть, не из мясорубки на Бетельгейзе.

– Да, там мусора много тогда осталось, – поддакнул Маджид, шелестя клавиатурой. – «Айленд Рок», бортовой номер 00279085… Угу… Благополучно стартовал с терминала вчера вечером и без происшествий покинул нашу зону ответственности. Уже хорошо. Стало быть, потерпел катастрофу уже в открытом космосе…

– Благополучно прибыл в зону покрытия автоматического маяка «W-3094» полчаса назад, – зачитал Азиз ответ на запрос, который послал сразу же, как только увидел бортовой номер. – Автоматика отозвалась на запрос маяка, первый пилот подтвердил лично, нештатных ситуаций на борту нет. С кораблем все в порядке.

– Значит, точно сбросили контрабанду, неверные псы. Отлично, получим премию.

Работники терминала быстро и умело пристыковали спасательную капсулу к борту. Камера-робот заглянула в крошечный иллюминатор в торце капсулы.

– Все-таки труп, – горестно вздохнул Азиз. – Не контрабанда. Не получим премии.

– Похоронили кого-то прямо в открытом космосе? – задумчиво проговорил Маджид. – Подозрительно это все…

– Ага, верно. Это же какое ЧП! А у них, видите ли, нештатных ситуаций на борту нет. Ничего не понимаю…

– Автоматика зафиксировала дыхание и пульс! – внезапно воскликнул Маджид. – Этот янки жив! Получим повышенную премию!

– Пятнадцать лет ни одной катастрофы в системе, – проговорил Азиз, разглядывая неподвижное тело на мониторе. – Без вести кто-то вроде бы пропадал, но тоже уже лет пять как… Имеем человека в капсуле, но судно цело и на нем ничего не случилось. Что за чепуха, во имя Пророка!..

– Давай-ка приведем его в чувство и расспросим, – азартно предложил Маджид.

– Слушай, вообще-то это дело службы безопасности…

– Ну да. Расспрашивать. А приводить в чувство – наша прямая обязанность как непосредственных спасителей. В конце концов, мы хотим, чтобы он выжил или так и не вышел из комы? В таких делах каждая минута на счету.

– Надо бы сначала оповестить медицинскую службу…

– Оповестим. Обязательно. Когда приведем его в чувство и малость расспросим. Ну, чего ты боишься? Оружия у него нет, вредных веществ и вирусов система не зафиксировала. Думаешь, нам потом расскажут то, что он сообщит службе безопасности? Да я сгорю от любопытства!

– Нам бы лучше действовать по уставу…

– Слушай, ладно тебе! Мы подтянули к борту спасательную капсулу. Якобы не надеялись обнаружить там живых, чем и будет вызвана пятнадцатиминутная задержка нашего сигнала в службу безопасности. Зато, обнаружив потерпевшего, сразу произвели на месте реанимационные мероприятия. Комар носа не подточит.

– Ладно, – нехотя сдался Азиз: ему самому было страсть как любопытно, откуда в спасательной капсуле взялся живой человек. Эта история имела оттенок неясной опасности, но набожный диспетчер был не в силах бороться с собственным любопытством. – Только если нас накроют, я тебя выгораживать не буду. Это ведь была твоя идея.

– Не бойся, все будет нормально. А в случае чего все возьму на себя.

Через пять минут Маджид доставил бесчувственного пострадавшего в диспетчерскую на портативной медицинской платформе. Это был настоящий гигант – здоровый, как могучий чинар, мускулистый, как чемпион системы по увеболу, мохнатый, как дикий лось, с белоснежным снегом в волосах, который едва ли был сединой, учитывая, что янки оказался совсем не старым, – скорее это указывало на его скандинавское или славянское происхождение.

– Господи, ну и вонь! – скривился Азиз.

– Да, надышал он в капсуле изрядно…

– Такое ощущение, что он проспиртован насквозь! Господи, как же воняет это питье грешников!

Маджид быстро обследовал спасенного портативным диагностом.

– Поразительно! Он в полнейшем порядке. Совершенно здоров и даже не истощен, а без сознания просто потому, что мертвецки пьян. Дай-ка ему гимеронала, чтобы кровь почистить…

– Это нам наглядный урок, – назидательно произнес Азиз, манипулируя клавиатурой, – до какого скотского состояния можно дойти, употребляя бесовское зелье неверных.

– Мы же совсем немного, – сказал Маджид, озабоченно поглядывая на диагност, на котором выстраивались столбцы цифр, иллюстрирующие состояние пациента. – И знаешь, такое ощущение, что и он немного. Скорее его забытье вызвано хорошей дозой снотворного.

– Запивать снотворное алкоголем – это вообще надругательство над организмом и откровенный вызов заветам Пророка! – возмутился Азиз.

Из платформы выдвинулся инъектор, присосался к локтевому сгибу спасенного и впрыснул в вену гимеронал. Янки тут же заворочался, не открывая глаз. Три минуты спустя он рывком сел на кушетке и обвел диспетчерскую бешеным взглядом.

– Какого… – пробормотал он на интерлингве. – Где?..

– Все в порядке, – заверил его Азиз, дистанционно убирая инъектор. – Вы в абсолютной безопасности. Вы находитесь на грузовом терминале «Хатами XII», принадлежащем королевству Аль-Сауди в системе Панеконта. Мы диспетчеры, я Маджид, а это вот Азиз.

– Помощник механика Улоф Йоханссон, «Айленд Рок», Хартфорд, – представился потерпевший бедствие. – Панеконт, говорите? Это такая здоровая белая звезда?

Помню, да… – Он приложил огромные ладони к вискам, пережидая мучительный приступ головной боли. – Мы же вроде сегодня стартовали с Панеконта. Точно, как раз с «Хатами XII»…

– Тогда каким же образом вы попали в спасательную капсулу, Улоф? Мы с коллегами отслеживаем пространство в пределах системы. Не было сообщения ни о крушениях, ни об исчезновении судов в нашем районе. Не поступало никаких сигналов бедствия, а ваше судно благополучно достигло первого автоматического маяка за пределами нашей системы…

– Спасательная капсула?! – вытаращил глаза здоровяк. – Вы достали меня из спасательной капсулы, ребята?.. – Он обескураженно помотал головой. – Ничего себе заявочки! А как я там оказался?

– Это мы у вас хотели узнать, – заметил Маджид. – Вы не помните, что произошло?

Верзила снова помотал башкой. Вид у него был предельно несчастный.

– Чего это ты меня все на «вы» да на «вы», брат, – грустно проговорил он. – Словно в полицейском участке.

– Ладно, давай на «ты», – охотно согласился Маджид. – Что последнее помнишь?

Здоровенный скандинав сокрушенно посмотрел на него.

– Помню, пили со вторым механиком в машинном отделении… – Он наморщился, пытаясь активизировать мыслительный процесс, и наконец сдался: – Потом все. Полный провал.

– Теперь видишь, как Аллах карает за пьянство на рабочем месте? – наставительно проговорил Азиз, со значением глядя на Маджида.

– Да нет, брат, я обычно-то на рабочем месте не пью, – возразил спасенный. – Ну… почти совсем не пью. Ну, так, по чуть-чуть только. Но тут был особый случай. Просто старший механик ко мне мириться пришел…

– Как это? – удивился Маджид.

– Да вышел у нас с ним небольшой конфликт… – нехотя начал пояснять Йоханссон. – Вбил себе в голову, что я отбиваю у него повариху. А у меня даже в мыслях такого не было, она меня и поцеловала-то всего пару раз, и то в щечку… Короче, навоображал человек себе не пойми чего, пришел ко мне разбираться. Ну, я его и вырубил. То есть хотел просто руку на плечо положить, а он решил, что я его уже бью. Резко увернулся не в ту сторону, я не успел затормозить и попал ему прямо в ухо. Вырубил, одним словом. Я не виноват, рука у меня просто тяжелая. Видите? – Он продемонстрировал уважительно притихшим собеседникам увесистый кулак.

– Видимо, ваш второй механик мужественный человек и великий воин, если решился выступить против тебя, – заметил Азиз.

– Да нет, я мирный… Мухи не обижу. – Верзила улыбнулся так обезоруживающе, что оба араба сразу поверили: действительно, не обидит. Если только найдется такая сумасшедшая муха, которая рискнет пролететь мимо этого сурового кяфира[4 - Кяфир (арабск.) – неверный.]. – Когда и зашибу кого, так ведь ненароком, не по злобе… Ну так вот. Пока сидел под арестом, механик подостыл и вот сегодня после первой же вахты пришел ко мне мириться: прости, говорит, все понял, погорячился, был не прав, давай выпьем на брудершафт. Ну, выпить меня упрашивать не надо. Выпили мы раз, выпили два, а потом я от усталости как-то потерял ориентацию. Открываю глаза и вижу ваши рожи… пардон, обаятельные дружелюбные физиономии… Неужто корабль с астероидом столкнулся?! Ничего не помню…

– Э, брат! – Маджид засмеялся, радостно хлопая себя по коленям. – Так ведь тут не надо обладать проницательностью муллы Абу-Насра, чтобы понять, что произошло! Твой приятель напоил тебя до бесчувствия, вернее, подмешал тебе какую-то сонную дрянь – у тебя в крови снотворного было больше, чем алкоголя. А потом затащил в спасательную капсулу и отстрелил ее от борта. Если даже потом тебя и спохватятся, то наверняка решат, что ты сам забрался в капсулу по пьяни и нечаянно запустил стартовый механизм. Хотя, думаю, ваш механик вырубил всю аварийную сигнализацию, чтобы твое исчезновение обнаружилось как можно позже, уже когда судно выйдет из системы, когда искать тебя в открытом космосе будет бесполезно…

– Да не может такого быть! – выпучил глаза великан. – Чтобы Юхани так подло со мной поступил!..

– Женщины – зло, – солидно поднял палец Азиз. – Из-за женщин мы, люди, совершаем самые безумные и пагубные поступки. И вы, неверные, тоже не избавлены от вредного влияния женщин, а потом удивляетесь, попадая из-за них в такие дурацкие ситуации. Для чего Аллах допускает существование этих сосудов греха?..

– С ними невозможно, без них совсем невозможно. – Маджид хмыкнул. – Без них нам пришлось бы предаваться противоестественному греху. Не думаю, что мне это понравилось бы… – Он повернулся к спасенному. – Ладно, не волнуйся, все будет нормально. Сейчас мы сообщим спасательным службам, и тебя вернут на корабль. Сможешь подать на своего механика в суд и жениться на поварихе.

– Еще чего! – встревожился Улоф. – На этой толстой дуре? Еще чего!.. – Он задумчиво повел носом, слегка прищурился. – Однако до появления спасательных служб мне бы не мешало пройти комплекс реанимационных процедур. Пережить такой стресс!.. Я ощущаю божественный аромат коньяка…

– Конечно-конечно! – Развеселившийся Маджид, которому чрезвычайно понравилась история спасенного, с готовностью налил ему из чайника в свою пиалу. – Только ты это… не говори никому. Нам нельзя…

– Не бойся, не выдам, – Улоф подмигнул ему, принимая пиалу, – сам такой… Люблю чуток принять на рабочем месте. Так я лучше работаю. А где у вас закуска?

– Закуски у нас нет. На смене по очереди ходим ужинать в ночную столовую.

– Без закуски пьют только финны и некоторые русские, – отрезал Йоханссон. – Может, у вас найдется небольшой кусочек сала?.. – Он поднял взгляд и натолкнулся на переполненные неподдельным ужасом взгляды диспетчеров. – А, ну да, вам же вроде нельзя… Впрочем, мусульманам и алкоголь нельзя, однако пьете. Так, стало быть, небольшой кусочек сала?.. – Он снова посмотрел в до предела расширенные от такого настойчивого святотатства глаза диспетчеров. – Ага, все понял. Без вопросов. – Он быстро опрокинул в себя лекарство и одобрительно крякнул. – Славная штука, господа! Почем брали? Давайте-ка еще

по чуть-чуть. Только теперь сообразим на троих…

Переданный службе безопасности швед действительно оказался членом команды «Айленд Рок», исчезновение которого было обнаружено совсем недавно. Капитан обещал провести на борту дознание в связи с полученной информацией, однако возвращаться за незадачливым помощником механика судно, удалившееся от Панеконта уже на пару астрономических единиц, естественно, не стало: это обошлось бы в кругленькую сумму. Консульство Соединенных Миров готово было доставить Йоханссона на родину за счет государства, однако он неожиданно воспротивился.

– Что я там буду делать? – степенно рассуждал он, сидя в баре напротив Маджида. – У меня контракт. И кто меня возьмет, пока я не разберусь с этим? Мне что, жить на пособие? Так ведь на социальные купоны мне спиртное не продадут! Только закусь. А кому она нужна без главного?..

В конце концов было решено, что потерявшийся Улоф Йоханссон останется дожидаться следующего рейса своего судна на Панеконт.

– Если, прибыв сюда в следующий раз, они захотят меня списать, то будут вынуждены выплатить мне хорошее выходное пособие, потому что моей вины в отсутствии на борту в рейсе не было, – пояснил швед свою позицию. – Или тогда пусть принимают меня обратно на работу. Если же я сейчас вернусь домой, значит, я сам покинул свой пост и мне ничего не положено.

Однако узнав, сколько будет стоить самая простая гостиница, в которой ему предстоит дожидаться следующего рейса, помощник механика снова встал на дыбы:

– Я не миллионер! Я столько за полгода не зарабатываю!

Консульство за гостиницу платить отказалось наотрез, чтобы не создавать прецедент – этак все работяги начнут нарочно отставать от своих сухогрузов, чтобы бесплатно провести пару месяцев в туристическом раю Галактики. Швед же уперся и категорически отказывался возвращаться домой, резонно мотивируя это тем, что его случай не предусмотрен законом о насильственной депортации. Просто же вышвырнуть его на улицу, чтобы дожидался своего

судна где хочет, консулу не позволяли гуманизм и опасение, что этот неприятный случай попадет в СМИ, которые не преминут раздуть из мухи первостатейного слона насчет того, насколько недостойно государство обращается со своими гражданами, попавшими в затруднительное положение за рубежом.

В итоге представители консульских служб двух стран все-таки договорились, что отставший от своего судна помощник механика будет дожидаться возвращения «Айленд Рок» прямо на орбитальном грузовом терминале, где его спасли. Администрация терминала без особого желания выделила ему койку в общем кубрике для младшего технического персонала из гастарбайтеров и обязалась слегка его кормить, чтобы он не умер с голоду.

С тех пор мистера Йоханссона можно было часто видеть во внутренних коридорах терминала разгуливающим в грязной робе и с руками, засунутыми в карманы. Вскоре он уже так примелькался, что охрана и сотрудники станции даже перестали воспринимать его как причудливую зверюшку и начали держать за предмет интерьера – то есть совершенно перестали замечать. Скандинаву это было вполне на руку.

Глава 4

Абдунасер Шариф проснулся в то утро в самом отвратительном настроении.

В последнее время это, впрочем, не было чем-то из ряда вон выходящим. Эфенди Шариф регулярно просыпался злой как шайтан, потому что и ночью не мог отрешиться от проблем, безжалостно терзавших его днем. Вот уже который месяц все вокруг него летело в джаханнам, прямо Иблису на рога. Заботливо и кропотливо выстроенное покойным дедушкой Абдаллой и его предшественниками саудовское экономическое чудо, к которому Шариф тоже приложил руку, давало трещины и понемногу оседало, проваливалось внутрь себя, как подмытый волной песочный замок.

Нет, со стороны все выглядело как обычно. Позолоченные минареты самого богатого мусульманского королевства в Галактике по-прежнему тянулись к звездному небу, маяками указывая всякому государству верное направление к

процветанию: упорный труд и почитание заветов Пророка. Закрома Саудов ломились от продуктов и товаров, количество грузов, проходящих через королевские терминалы, не поддавалось исчислению, довольное население искренне славило Аллаха и правящую династию, туристы в массовом порядке стремились посетить планету и орбитальный пояс, оставляя огромное количество денег в увеселительных заведениях. И все же отчетливый неприятный запашок витал над всем этим великолепием. Запашок совершенно неразличимый для рядового подданного или туриста, но вполне ощутимый для эфенди Абдунасера Шарифа, одного из ключевых министров нового короля Абдельмаджида. Запах застоялой воды, тлена и начавшегося разложения. Запах рыбы, которая тухнет с головы.

Поморщившись, эфенди сел на своей роскошной постели под парчовым балдахином. Две смуглые служанки, почтительно дожидавшиеся пробуждения господина в глубине спальни, тут же устремились к нему с шелковым халатом, пушистым полотенцем и серебряным тазиком, наполненным теплой водой с благовониями и плавающими на поверхности лепестками роз. Брезгливо умывшись, господин министр облачился в халат и вдел ноги в тапочки с загнутыми носами, сделанные из нежнейшего сафьяна.

Одна из горничных осторожно наложила на сухую пустую левую глазницу Шарифа черную повязку, поинтересовалась, не туго ли, и склонилась в поклоне. Поморгав под повязкой поврежденным глазом, министр раздраженно кивнул и направился в столовую.

Здесь уже был сервирован легкий завтрак, учитывающий как вкусы, так и состояние здоровья эфенди. Отпив из высокого хрустального бокала гранатовый сок, Абдунасер задумчиво покрутил в пальцах серебряную ложечку, начисто забыв о еде. Черные мысли с новой силой терзали его потревоженный разум.

А ведь как чудесно все шло еще несколько лет назад! Какие заманчивые перспективы рисовались в будущем! Всем казалось, что Аллах воистину благоволит возлюбленным детям своим. Транзитный грузопоток увеличивался с каждым днем, и прагматичные арабы немедленно заказывали у неверных новые космические терминалы, выводили их на орбиту, расширяя инфраструктуру, делая Панеконт все более и более удобной звездной системой для перевалки товара и выгоднейшей торговой логистики. К моменту наивысшего расцвета королевства Аль-Сауди, десять лет назад, практически четверть его населения работала на опутавшей пространство вокруг планеты сети орбитальных поясов и

станций, обрабатывающих грузы и принимающих транзитных пассажиров, предоставляющих всем желающим отменные услуги по ремонту, обслуживанию и развлечениям. Да и остальные отнюдь не были обижены. Снабжение станций всем необходимым, обеспечение инфраструктуры для отдыха занятых на орбите саудитов, а также гигантских толп туристов создали такое количество рабочих мест, что королевству приходилось в массовом порядке завозить рабочих и технический персонал с других планет. Они, конечно, были весьма ограничены в правах, да и среди других правоверных подданные благословенного короля Абдаллы тоже всегда считались на особом положении, но все неудобства компенсировала более чем щедрая зарплата. Так что Панеконт IV считался настоящей жемчужиной, чему способствовали многочисленные шикарные пляжи, отели, горные курорты и прочие туристические приманки. В джунглях, покрывавших две трети Панеконта IV, устраивались незабываемые сафари для вип-гостей, а в море можно было загарпунить магируса, самого свирепого хищника в этом секторе Галактики, – были бы деньги.

Ну и, разумеется, для туристов из числа неверных имелись и менее невинные развлечения – казино, гаремы, бары с алкоголем, элитные бордели, ночные стриптиз-клубы. Сначала король Абдалла, пусть ему счастливо отдыхается в райских садах джанната, долго боролся с этой мерзостью, однако строгие запреты приводили только к тому, что грязь перетекала в теневой сектор экономики, калеча соблазном запретной наживы души арабских бизнесменов. В итоге пороки личным указом монарха были разрешены – но только для иностранцев, только на определенной территории и только под строгим контролем государства.

Поначалу это вызвало глухой ропот среди населения, однако он быстро сошел на нет. Государство по-прежнему процветало, либеральное законодательство и низкие налоги способствовали расцвету экономики, моральные устои общества не пошатнулись. Никаких новых проблем оттого, что бывшие мафиозные сферы влияния были выведены из тени, не возникло. Тем более что монарх действительно знал, где следует остановиться – к наркотикам он по-прежнему относился крайне негативно и послаблений в этом направлении не делал никому, богохульства не прощал, однополых браков и гей-парадов не допускал.

Вследствие того, что потоки денег от грязных развлечений кяфиров начали течь мимо карманов мафии, преступность не только не выросла, но даже снизилась. Когда из-под солидных нарушителей закона выбивают денежную опору, нарушать законы становится непросто. Так что хотя полиция королевства и не

отвечала строгим современным стандартам по уровню обученности и оснащенности, но в сложившихся условиях показала себя достаточно эффективной. Тем более что в тех случаях, когда ей не хватало сил, на помощь приходила армия, роль которой в защите королевства от внешних врагов была скорее церемониальной. Безопасность королевства на самом деле обеспечивалась мудрой политикой монарха Абдаллы и расположенной в системе Панеконта крупной военной базой Соединенных Миров. Эфенди Шариф был одним из самых горячих сторонников этой политики в правительстве короля Абдаллы, считая, что держать денежные пороки в государственных рамках гораздо разумнее, чем вести постоянную битву с черным рынком, непрекращающуюся и бесполезную, ибо жажда шальных денег неистребима. Если неверные свиньи желают радостно кувыркаться в грязи, это их дело. Все равно рано или поздно вся Галактика будет объединена под зеленым знаменем Пророка, и тогда недостойные пороки отомрут сами собой. Но сейчас господин министр все больше задумывался над тем, не были ли в действительности правы те, кого он раньше считал твердолобыми фундаменталистами.

Министр тяжело вздохнул, погрузив наконец серебряную ложечку в обезжиренный йогурт. Совсем недавно страна двигалась в правильном направлении, непрестанно богатея, вызывая зависть у соседей и демонстрируя конкурентам, что греховная демократия – не единственный путь к процветанию. Казалось, еще немного – и наступит обещанный религиозными учителями Золотой век…

А потом престарелый монарх и гениальный политический деятель Абдалла VII Аль-Сауди скоропостижно скончался, и все рухнуло. Потому что неоспоримые преимущества абсолютной монархии, очевидные при хорошем государе, неизбежно превращаются в недостатки при государе плохом.

Расправившись с йогуртом, салатом из зелени и крошечным куском рыбы, приготовленной на пару, Абдунасер Шариф забрал со стола изящную чашечку с ароматным кофе и вышел на огромный балкон, чтобы вдохнуть утренние морские запахи. Вилла господина министра располагалась за городом, на обширной территории, выходившей прямо к океану. Такой дворец стоил огромных денег, но Шариф принадлежал к древней богатейшей фамилии, а высокий государственный пост и вовсе требовал соответствующих условий проживания. Королевский министр не может жить в многоквартирном доме, это противоестественно.

Глядя на волны, лениво накатывающие на берег, Абдунасер с горечью вспоминал, как начала тухнуть государственная рыба Аль-Сауди.

Многочисленные законные и внебрачные дети покойного монарха Абдаллы с детства приучались к мысли, что когда-нибудь им, возможно, придется встать у руля могущественной исламской державы или как минимум занять высокий пост в королевском совете. Отец не мог уделять им должного внимания, государственные дела требовали от правителя всего времени без остатка. Но у них и без того были хорошие учителя, сызмальства натаскивавшие их на запах власти и пытавшиеся привить им опыт государственного мышления. Подростками все дети монарха получили блестящее образование в Соединенных Мирах и на других союзных планетах, считающих себя цивилизованными. С мнением христианских варваров на этот счет обитатели Панеконта могли бы очень серьезно поспорить, однако неоспоримым являлся тот факт, что в политической игре с этими мощными конкурентами знание внутренней специфики противника могло принести мусульманским правителям очень серьезные бонусы. Да и те их элитные университеты, в которые традиционно направлялись отпрыски правящей фамилии, действительно предоставляли превосходное образование, делая основной упор не на жизнеописании Пророка и подробном разборе сур Корана, как в Аль-Сауди, а на тех предметах и общественных дисциплинах, знание которых реально могло понадобиться просвещенному владыке. Ну а после окончания университетского курса Абдалла Сауд уже лично преподавал своим сыновьям секреты и тонкости государственного управления, частично полученные им от своего отца, а частично открытые им самим за те десятилетия, что он восседал на престоле королевства. Так что теоретически абсолютно любой из его отпрысков вполне мог принять из рук монарха священные посох и саблю королевской власти, чтобы успешно продолжить его дело. Вот только на практике все было не так просто. Достаточно было вспомнить того, кто ныне занимал трон королевства…

Изначально бесспорным наследником Абдаллы считался его старший сын, принц Фейсал, который за десятилетия работы министром иностранных дел Аль-Сауди зарекомендовал себя чрезвычайно искусным дипломатом и компетентным государственным деятелем. Народ любил Фейсала Сауда и ожидал, что тот успешно продолжит мудрую внешнюю и внутреннюю политику своего отца. Все указывало на то, что именно так и будет. Дворцовая, правительственная, религиозная, армейская элиты и бизнес-сообщество также единодушно сходились во мнении, что лучшего продолжателя дела легендарного монарха и желать нельзя. Фейсалу было всего шестьдесят лет, он был здоровым и крепким спортсменом, так что небеса сулили Аль-Сауди еще как минимум полвека

благодатного процветания под руководством умного, опытного и щедрого к подданным правителя. Фейсал устраивал абсолютно всех, он был удобен всем властным группировкам, и ни у кого не возникало даже мысли, что кто-нибудь попытается выступить против него…

За спиной у Шарифа мягко прошелестели шаги.

– Прошу прощения, эфенди, – раздался голос его секретаря Юсуфа, – вы просили оповестить вас, когда глидер будет готов.

– Хорошо, ступай, – раздраженно бросил министр, отставляя чашечку с остывшим кофе на перила необъятного балкона. Он охотно швырнул бы эту чашечку в лицо секретарю, однако понимал, что тот ни в чем не виноват и срывать свою злобу таким образом недостойно государственного деятеля. В другой день он не отказал бы себе в удовольствии опоздать на заседание кабинета министров, потому что видеть больше не мог эти постные рожи, но сегодня было никак нельзя. Сегодня на заседании будет присутствовать сам монарх.

Вчера глава государства вернулся из увеселительного полета на королевской яхте, грубо нарушив расписание пассажирского движения. Вечером молодой король, по информации Шарифа, успел выкурить несколько трубок гашиша, оплодотворить двух самок из Соединенных Миров, надраться как свинья драгоценным сортом виски, швырнуть в лицо генералу Мушрифаддину блюдо с морепродуктами, разбить три окна во дворце и проблеваться на глазах у ниппонских высокопоставленных дипломатов. Если бы на его месте был кто-нибудь другой, можно было бы не сомневаться, что к открытию утреннего заседания он будет спать как убитый и его не разбудят даже трубы Судного дня. Однако молодой монарх был незаурядным человеком и опытным бойцом, поэтому не исключалось, что он еще даже не ложился. В прошлый раз он точно так же явился на заседание после бессонной ночи, проведенной в грязном борделе на окраине столицы, растрепанный, злой, с красными глазами, и немедленно вышвырнул из состава королевского совета всех министров, опоздавших к началу хотя бы на пять минут, невзирая ни на какие заслуги и благородство родов. А потом уснул прямо за столом и оглушительно храпел до самого перерыва, потому что никто не решался его разбудить.

Вот такой достойный монарх стоял теперь во главе королевства Аль-Сауди. И звали его, разумеется, не Фейсал.

Четверть часа спустя Абдунасер Шариф, одетый в белоснежный бедуинский наряд – европейских костюмов не признавали ни в одном королевском дворце Аль-Сауди, будь он расположен на орбите или на поверхности, – сидел на заднем сиденье своего представительского глидера, который в сопровождении конвоя из полицейских катеров стремительно двигался над просыпающейся столицей. Неприятно пульсировал какой-то нерв в пустой глазнице. Неприятно пульсировали погребальные мысли в голове господина министра.

Он потерял глаз на похоронах Абдаллы Сауда. В тот самый черный для страны день, когда начался кровавый кошмар, больно ударивший по всему населению Аль-Сауди.

Похоронная процессия растянулась тогда на несколько километров. Попрощаться с дедушкой Абдаллой приезжали из самых глухих провинций и сел. Погребальное ложе монарха утопало в цветах, катафалк сопровождала отборная гвардия бедуинов на двухстах белоснежных верблюдах. Народ был безутешен. Следом за траурным катафалком шагали скорбящие наследники и члены их семей, за ними на некотором расстоянии – члены королевского совета, представители самых знатных и богатых родов страны, духовные лидеры, иностранные президенты, посланцы и дипломаты. За ними, отделенные двойной цепью полицейских, двигались известные люди рангом пониже – бизнесмены, актеры, мэры городов, дервиши и талибы. И уже потом, вслед за армейским кордоном шагающих боевых роботов, валила толпа простонародья, запрудившая все улицы центра города, сметающая киоски и переворачивающая припаркованные глидеры.

Церемония прощания на обширном королевском мемориале в центре столицы, где были захоронены несколько поколений Саудов, растянулась на четыре часа. Огромное количество сильных мира сего поспешили засвидетельствовать свою скорбь и уважение великому монарху. Прямая трансляция пышных похорон велась на несколько десятков звездных систем. Наконец пришло время предать покойного земле. Четверо ближайших родственников во главе с принцем Фейсалом приподняли тело усопшего владыки, по древней мусульманской традиции зашитое в кусок белого холста, и на длинных льняных полотенцах начали опускать в могилу.

И тогда раздался мощный взрыв.

Заряд патернамита был заложен прямо в яму, вырытую для покойного, и присыпан сверху землей. Тех, кто склонился над могилой, опуская в нее монарха, – принца Фейсала, а также родного брата короля Абдаллы, его племянника и второго по старшинству сына – вместе с телом покойного главы государства разорвало в клочья. Пострадали еще несколько королевских родственников, обступивших могилу. К счастью, взрывная волна, ограниченная стенками могильной ямы, в основном была направлена вертикально вверх, поэтому жертв оказалось не так много, как если бы взрыв произошел в толпе. Однако многих контузило, а эфенди Шарифу в левый глаз вонзился острый кусок разлетевшегося вдребезги ордена Святого Пророка, который был на груди у принца Фейсала. Королевский министр до сих пор содрогался, когда вспоминал этот ужасный миг.

Разумеется, впоследствии ему могли вырастить новый глаз – современная генная медицина вполне позволяла это сделать. За огромные деньги, конечно, однако деньги для Абдунасера Шарифа никогда не имели особого значения. Он не стал делать операцию совсем по другой причине. Он поклялся себе, что у него не будет второго глаза, пока живы те, кто задумал и совершил это страшное преступление.

Страна содрогнулась, когда кошмарная смерть в прямом эфире забрала полдесятка членов королевской семьи. Королевство погрузилось в траур. Государственные элиты оказались в шоке. Во дворце воцарился хаос. Руководитель секретной службы «Аламут», почтенный Ибрагим Сабри, сбился с ног, пытаясь обнаружить злоумышленников, совершивших это чудовищное злодеяние, но тщетно: всех, кто мог что-нибудь знать – от старшего дворцового церемониймейстера до рядовых могильщиков и агентов «Аламута», проверявших безопасность территории мемориала до начала похорон, – в тот же день обнаружили мертвыми, так что оказались оборваны абсолютно все нити, которые могли вести к преступникам.

Пострадавшие при взрыве родственники покойного короля и высокопоставленные зарубежные гости были немедленно доставлены в королевский госпиталь при дворцовом комплексе – суперсовременную клинику, оснащенную самым лучшим медицинским оборудованием и обслуживаемую опытнейшими врачами этого сектора Галактики. И здесь произошел следующий акт трагедии. В тот же день погибли еще три претендента на престол Аль-Сауди. Когда врачи делали срочную полостную операцию третьему по старшинству сыну Абдаллы VII, принцу Мухитдину, в самый ответственный

момент внезапно вышло из строя все оборудование в операционной, а когда хирурги подключились к резервному генератору и заменили медицинские приборы, авария повторилась. В результате без поддержки системы жизнеобеспечения принц со страшными ранами и вскрытой брюшной полостью скончался, не приходя в сознание.

Еще один наследник монарха, Нуруддин, скончался после операции в своей отдельной роскошной палате – вышел из строя аппарат искусственного дыхания, и по необъяснимой халатности медсестра не сумела за этим проследить. Воинственного и мужественного министра обороны не спасло ни богатырское здоровье, ни взвод охранников у дверей палаты. Третий соискатель престола, покровитель исламских искусств, знаменитый благотворитель и член королевского совета Хабибулла, скончался в страшных муках, когда ему по чрезвычайно странной ошибке вместо лекарственного препарата внутривенно ввели средство для прочистки засоренных раковин и унитазов.

Была и еще одна попытка покушения. Санитар-араб пытался вколоть обожженному взрывом молодому принцу Абдельмаджиду цианистый калий вместо успокоительного. К счастью, этому успел помешать личный охранник принца, которому показалось странным нервное поведение санитара. Увы, допросить злодея о том, кто вручил ему шприц с отравой, не удалось: охрана поджарила его из разрядников, когда он пытался выпрыгнуть в окно палаты.

Благородные пациенты начали в панике покидать госпиталь. А расследование окончательно зашло в тупик. После длительных допросов главврач клиники был обезглавлен, а большинство персонала сгинуло без вести в пыточных подвалах «Аламута», однако добраться до заказчика убийств так и не удалось.

Между тем королевские наследники почувствовали запах жареного. После тройной трагедии в госпитале высшие круги государства осознали, что взрыв на кладбище был не просто террористическим актом какой-то сепаратистской организации, а началом беспощадной охоты на монарших наследников. И, следовательно, заказчиком этих страшных убийств, скорее всего, является кто-то из них – кто-то, у кого нет никаких шансов дождаться своей очереди на престол и кто готов идти к вожделенной цели по трупам родственников. Глава «Аламута» эфенди Сабри, правда, пытался продвигать версию иностранных диверсантов-убийц, но в нее мало кто верил.

Министр Абдунасер Шариф, прищурив здоровый глаз, разглядывал в окошко проплывавшие под его глидером богатые кварталы. Да, это время всеобщей смуты в верхах стало самым страшным периодом в жизни Аль-Сауди. Под всеобщим подозрением оказался принц Рашад, талантливый ученый, астроном и шахматист, следующий по старшинству наследник короля Абдаллы, который государственным делам всегда предпочитал научные изыскания. Отец считал его отрезанным ломтем: принц не проявлял совершенно никакого интереса к управлению державой. Махнув рукой на непутевого отпрыска, которого так и не удалось пристроить к делу, король Абдалла подарил ему астрономическую исследовательскую станцию «Махаббат», расположенную на отдаленном астероиде в системе Панеконта, куда Рашад и удалился несколько лет назад, полностью посвятив себя наблюдению за звездным небом. В конце концов, ученые люди и мудрецы тоже были весьма уважаемы в мусульманском мире, а Рашад Сауд со временем добился солидного авторитета в научном сообществе, так что отец даже начал втайне им гордиться.

После взрыва на королевском мемориале и загадочных смертей в дворцовой клинике принц Рашад немедленно улетел на свою космическую станцию, опасаясь новых покушений. В дворцовых кулуарах тут же возник устойчивый слушок, что все эти убийства были на руку только ему. Да и кому, как не талантливому шахматисту, было рассчитать такую хитроумную комбинацию на несколько ходов вперед. Однако шепотки стихли несколько дней спустя, когда на станцию «Махаббат» было совершено дерзкое нападение. Боевой звездолет без опознавательных знаков обстрелял ее ракетами, а когда противометеоритная защита уничтожила их все до единой, высадила на станцию десант из нескольких десятков человек. К счастью, «Махаббат» представляла собой не просто космическую лабораторию, а бывшую звездную крепость, с которой была демонтирована лишь часть вооружения, поэтому принцу с десятком преданных людей, составлявших команду станции, удалось выбить нападавших с астероида и уничтожить вражеский корабль. Король Абдалла в первую очередь заботился о безопасности своих домочадцев: мысль о том, что его сын окажется беззащитным в открытом космосе вдали от родной планеты, в свое время не пришлась ему по вкусу, и престарелый монарх сделал все, чтобы ученый мог заниматься изысканиями, не беспокоясь о происках звездных пиратов и инопланетных разведок.

В тот же день, не дожидаясь следующего нападения, принц Рашад публично заявил по каналу связи, что никогда не претендовал и не собирается претендовать на королевскую саблю, что главное в его жизни – научные исследования, и поэтому он готов подписать отречение в пользу кого угодно. И

он действительно тут же официально уступил престол следующему наследнику, Зияульхакку.

Рашада это решение, похоже, избавило от второго десанта. Зато Зияульхакку вынесло смертный приговор. Его нашли мертвым в собственной постели через несколько дней. Кто и каким образом ввел ему в организм радиоактивное вещество, осталось загадкой.

Затем было вновь совершено покушение на принца Абдельмаджида, уже пострадавшего при взрыве на мемориале и едва не погибшего от цианистого калия в королевском госпитале. Молодой принц всегда считался непутевым отпрыском, в Соединенных Мирах он не столько учился, сколько таскался по злачным местам и прожигал жизнь, изображая из себя крутого плейбоя. Домой из университета он привез двенадцать килограммов «черного одуванчика», американскую жену, с которой развелся через три дня после приезда, стойкую алкогольную зависимость и целый букет венерических болезней. Вот и в этот раз его застигли в тот момент, когда он, еще даже не завершив курса лечения, устроил в своих апартаментах на спутниковом поясе разнузданную наркотическую оргию – смерть отца и гибель старших братьев так и не смогли заставить его соблюдать траур. Вместе с беспутными гостями на спутник принца каким-то образом проникли убийцы. Однако, к удивлению многих, Аллах и на этот раз хранил недостойное дитя короля Абдаллы от смерти – какая-то полуобнаженная девица повисла на одном из злоумышленников, когда они пробирались через толпу богатых юнцов, извивающихся под скрежещущий тормоз-рок, его куртка распахнулась, и телохранитель принца увидел укрытый под курткой плазмомет. В разразившейся бойне все нападавшие были убиты, погибли также четыре телохранителя королевского наследника и семнадцать его гостей. Сам Абдельмаджид потерял руку по самое плечо и получил страшные ранения в области грудной клетки, временно сойдя с дистанции к королевскому трону Аль-Сауди.

Глидер министра Шарифа пошел на посадку, поэтому эфенди скомкал воспоминания. Впрочем, это уже был почти финал первого акта трагедии великого мусульманского государства. Следующего претендента на престол нашли задушенным, а очередной выпал из окна одного из своих пентхаусов на сто четвертом этаже. На этом прямые наследники закончились, и страна оказалась на грани паники. Возникла реальная опасность, что многовековая династия Саудов трагически прервется.

Попытки королевского совета воззвать к долгу запершегося на космической станции принца-ученого Рашада, который в целом вполне устраивал и народ, и элиты Аль-Сауди, завершились его категорическим отказом и новым подтверждением того, что он подпишет отречение в пользу любого другого претендента на престол, даже если тот не будет принадлежать к королевскому роду. Последним человеком, способным продолжить династию, оказался злосчастный плейбой Абдельмаджид. Против него было слишком многое, что уж там – против него было практически все, за исключением права крови, но монархия устроена так, что именно кровь является основанием для принятия монаршего титула. А Абдельмаджид оставался последним неотрекшимся сыном покойного короля. Введение же в круг претендентов наследников второго порядка, коих насчитывалось более пяти десятков, обещало такой размах династических убийств, что нынешний вал смертей показался бы просто возней в песочнице.

Среди правоверных издавна, еще со времен средневековых исламских государств, не было принято утверждать порядка престолонаследия. Считалось, что Аллах сам проявит свою волю – кому жить и кому править. И хотя в Аль-Сауди власть уже давно переходила из рук в руки достаточно мирно, но раз уж началось… Так что иных вариантов не оставалось. И королевскому совету пришлось смириться с неизбежным.

Хотя все считали, что ничего еще не закончилось, потому что оставалось неясным, кто же организовал резню королевских наследников. Абдельмаджид был пустышкой, не замеченным в особой мыслительной деятельности, никто не верил, что ему хватило бы ума и коварства разработать и провернуть такую грандиозную акцию. Кроме того, он сам очень серьезно пострадал во время покушений и каждый раз был на волосок от смерти. Едва ли в попытке создать себе алиби человек, настолько ценящий собственную жизнь, стал бы так страшно рисковать. На роль коварного сумасшедшего ученого вполне подходил принц Рашад, однако он не получил от этой кровавой бойни абсолютно никакой выгоды, у него не было ни единого мотива уничтожать возлюбленных братьев. Многие подозревали в причастности к этим зловещим событиям Ибрагима Сабри, руководителя тайной королевской службы «Аламут», поскольку именно в его силах и компетенции было организовать столь безукоризненные и массовые покушения, а потом настолько искусно спрятать концы в воду. У него были для этого и средства, и спецоборудование, и подготовленные агенты. Подозрения были косвенными, против Сабри не нашлось ни единой прямой улики, однако его все-таки отправили в отставку: даже если он и не имел отношения к резне, то все равно не сумел защитить королевских наследников и за несколько месяцев

усиленной работы так и не смог выйти на след их убийц, а значит, не справился со своими обязанностями. Наслаждаться жизнью пенсионера эфенди Сабри не стал – через несколько дней после отставки он покончил с собой.

Во избежание неприятностей вновь изувеченного Абдельмаджида охраняли в больнице, как священный камень Каабы. Была тому причиной продуманная охранная стратегия нового главы «Аламута» Адиля Азулая, верного пса Саудов и бывшего заместителя предыдущего главы, или сыграло свою роль устранение от дел не справившегося со своими обязанностями эфенди Сабри, – в любом случае покушения прекратились, что позволило народу Аль-Сауди облегченно перевести дух. Несколько месяцев спустя принц Абдельмаджид, которому вырастили новую руку, был окончательно излечен и окреп настолько, чтобы взвалить на свои неумелые плечи груз государственных забот королевства.

Поначалу никто не заметил перемен – деньги по-прежнему сыпались с неба, экономика росла как на дрожжах, население радовалось, королевский совет мудро управлял бюджетом, который всегда принимался с солидным профицитом. Однако арабский плейбой, немного освоившись на престоле, сообразил, что теперь исполнению его безумных желаний и вовсе нет никаких пределов и ограничений. Королевский совет благоразумно безо всяких напоминаний увеличил вдвое «цивильный лист» – средства, выделяемые на личные расходы монарха и содержание двора. Потом еще в полтора раза. Но королю вскоре перестало хватать и этого. За одной роскошной королевской яхтой размером с боевой крейсер следовала другая, еще более роскошная, один грандиозный многодневный пир плавно перетекал в другой, один огромный памятник новому правителю через неделю затмевался другим, еще более дорогим и величественным, масштабным общенародным праздникам и гулянкам просто не было числа. Дворец заполонили королевские собутыльники, женщины легкого поведения и наркотики. Особенно полюбились Абдельмаджиду дальние вояжи по звездной системе в составе целого кортежа государственного флота, забитого его дружками, подхалимами и прихлебателями. И это был первый весьма серьезный звонок, поскольку безалаберный монарх бесконтрольно пользовался шлюзами на спутниковом поясе, причаливая и отчаливая, как ему заблагорассудится, совершенно наплевав на службу управления движением и создав с десяток аварийных ситуаций. И это сразу сказалось на имидже королевства как надежнейшего транзитного пункта. Пока Абдельмаджид просто швырял на ветер государственные средства, с этим еще можно было смириться; но теперь его действия начали угрожать деловой репутации Аль-Сауди и дальнейшим прибылям державы.

Понемногу безудержные траты молодого короля начали сказываться и на бюджете. Если раньше любой подданный мог, просто подав прошение в его канцелярию, бесплатно отправиться на учебу в любой даже самый дорогой и элитный университет мира либо на лечение в самую дорогую и уникальную клинику Галактики, то теперь денег на это стало не хватать. Сократились и иные траты, были урезаны некоторые социальные программы, впервые за полвека для местных жителей ввели оплату за перелет на спутниковый пояс и обратно. Население снова начало роптать. Однако когда королевский совет попытался мягко указать на это Абдельмаджиду, тот закатил грандиозный скандал. «Надо лучше работать и больше зарабатывать! – побагровев, орал он на притихших и сгорбившихся старцев, многие из которых годились ему в деды. – Бюджет и экономика – ваша епархия, и меня не интересует, где вы возьмете деньги! А если вы не способны делать даже такой малости, как приносить деньги в казну, я охотно подыщу вам замену!»

Пару лет дела королевства плавно катились под гору – очень плавно, практически незаметно для глаза. Невозможно быстро угробить хорошо налаженное дело, невозможно мгновенно разорить планету, десятилетиями купавшуюся в шальных деньгах. Королевский совет поддерживал экономику на должном уровне умелыми финансовыми вливаниями и все более либеральными законами. Вероятно, такое балансирование на склоне холма могло бы продолжаться достаточно долго, однако в почувствовавшем вкус большой власти Абдельмаджиде внезапно проснулся великий экономист. Он вдруг начал принимать активное участие в проектах государственного масштаба, выносить судьбоносные решения и одним росчерком пера опровергать тщательные расчеты целых научно-исследовательских институтов, причиняя экономике непоправимый вред. Самой вопиющей стала история о том, как монарх распорядился наладить в сердце джунглей добычу солиума. Буровые платформы были сброшены с грузовых глидеров без какой-либо подготовки и разведки местности, многие бригады утонули в болотах и стали добычей диких зверей. Героическими усилиями рабочим все-таки удалось добыть первую партию редкоземельного металла, однако внезапно выяснилось, что вывозить его не на чем – не готовы ни подъездные пути, ни инфраструктура, ни специальные помещения с особыми условиями для хранения активных материалов. В итоге добытый солиум, который складировали прямо на открытом воздухе под навесами, достиг критической массы и аннигилировал, уничтожив несколько десятков гектаров джунглей и всю обогатительную команду вместе со спецтехникой.

Абдунасер Шариф молча шагал по анфиладам и бесчисленным коридорам королевского дворца, сдержанно кивая в ответ на почтительные приветствия сотрудников аппарата королевского совета, попадающихся навстречу. Внутри у него клокотала ярость, усиливавшаяся с каждым шагом. И вот перед этим ничтожеством, возомнившим себя владыкой, перед этим прелюбодеем и недостойным пьяницей, развалившим мощную экономику, ему, главе одного из самых знатных и древних родов державы, предстоит сейчас держать отчет, да еще и униженно кланяться в ответ на очередную порцию откровенного хамства. Шариф опасался, что в какой-то момент во время заседания ему не удастся справиться с собственным лицом. А король всегда очень зорко подмечал неудовольствие на лицах своих министров и очень жестоко карал за это.

Однако самодурство и некомпетентность Абдельмаджида были не единственными причинами холодной ярости, которая сейчас волнами захлестывала разум королевского министра.

Бюджет в результате хозяйственной деятельности монарха начал испытывать очень большие проблемы. Королевский совет сделал солидные займы на других планетах, однако это позволило выправить ситуацию только на время. Поэтому в правительстве и высших слоях государства начало подспудно созревать мнение, что Абдельмаджида следует как можно скорее отстранить и от государственных финансов, и от принятия глобальных решений.

Не видя других способов спасти ситуацию, члены совета скрепя сердце начали готовить дворцовый переворот.

Ученый принц Рашад в очередной раз категорически отказался от предложения встать во главе государства, поэтому в короли начали готовить наследника второй очереди – одного из племянников покойного дедушки Абдаллы. Переворот был уже практически готов, парламент предупрежден, армия и полиция объявили о своем нейтралитете, до назначенного часа оставались всего сутки, когда король, беспомощный неумеха и глупый прожигатель жизни, совершенно неожиданно нанес виртуозный и сокрушительный удар. Он мгновенно поменял руководителей почти всех силовых структур государства, поставив во главе армии, полиции и прокуратуры людей из своего круга, и практически одновременно арестовал заговорщиков. При этом молодой волк сразу показал зубы. Все наиболее влиятельные члены заговора во главе с претендентом на престол были убиты при аресте – якобы за сопротивление полиции или при попытке к бегству. Однако и тем мятежникам, кто был

арестован и отправлен в тюремный терминал в поясе астероидов, не удалось дожить до суда. При следовании к месту предварительного заключения поразительно часто происходила случайная разгерметизация отсеков, причем именно тех, где находились арестованные заговорщики.

Среди тех представителей элиты, кто в заговоре не участвовал, но одобрял его или просто позволил заподозрить себя каким-нибудь неосторожным словом, внезапно разразилась короткая, но весьма интенсивная эпидемия самоубийств и криминальных убийств. При этом все убийства были немедленно раскрыты по горячим следам, однако судов по ним тоже практически не было, поскольку все предполагаемые убийцы по странному совпадению тоже были расстреляны при попытках сопротивления властям.

Получив жестокий урок, самые влиятельные семейства прикусили языки и почтительно склонили головы, а король окончательно забрал в свои руки неограниченную власть и деньги государства, перестав даже обращать внимание на королевский совет, который теперь почти полностью состоял из послушных ему болванов, трясущихся за свои жалкие жизни.

Сам Шариф, один из главных заговорщиков, уцелел в этой мясорубке только чудом. Осторожный, как дикий кот, он сразу постарался до минимума свести свои контакты с другими участниками мятежа. Именно это его и спасло. После того как один из его непосредственных контактеров погиб при аресте, пытаясь отстреливаться от агентов «Аламута», а второй принял яд за полчаса до того, как к нему нагрянули незваные гости, причастность господина министра к заговору осталась скрытой для спецслужб. Его неоднократно допрашивали в связи с несостоявшимся мятежом, но Шариф ухитрился не оговорить себя даже под «сывороткой правды», умело уведя допрос в сторону.

Подозрительный Абдельмаджид почти полностью поменял состав приближенных придворных – даже те, кто не был заподозрен в заговоре, по большей части оказались отправлены в провинцию или под благовидными предлогами удалены из королевского дворца. Однако Абдунасер Шариф всегда выказывал столько глубочайшего почтения монарху и такую искреннюю преданность, что он стал одним из тех немногих избранных, кого монаршья немилость обошла стороной. К тому же у молодого короля не было никого, кто разбирался бы в экономике королевства хотя бы вдвое хуже, чем старый министр его отца. А трудности с деньгами ощутил даже он. Так что Шариф оставался одним из двух министров, которые вошли в королевский совет еще до

того, как Абдельмаджид взошел на престол Аль-Сауди.

Вторым был Адиль Азулай, новый глава секретной политической контрразведки «Аламут».

Шагая по дворцовым коридорам в направлении зала, где вскоре должно было начаться заседание королевского совета, Шариф скрипнул зубами. Разумеется, при разгроме заговора не обошлось без предательства. И имя предателя не было для него тайной за семью печатями. Потому что эфенди Азулай, накануне мятежа уверявший высокопоставленных заговорщиков в своей полной лояльности и сочувствии к идее сместить с престола великой страны недостойного тирана, уже на следующий день собственноручно пытал их в тайных подвалах своего ведомства. Из тех, кто заранее знал о заговоре, выжили и сохранили свои посты лишь они двое. Вот только Абдунасер Шариф на Страшном суде мог поклясться, что не предавал друзей. Методом исключения роль Иуды доставалась почтенному Азулаю.

Эта змея тоже будет сегодня на заседании. И ему придется улыбаться, придется сказать ему несколько слов, чтобы коварная и подозрительная змея ничего не заподозрила.

Некоторые семьи, главы которых ранее входили в королевский совет, а затем были казнены Абдельмаджидом, не смирились со случившимся. Но предпринимать новый заговор никто не рисковал. Родовые кланы были изрядно ослаблены массированным кровопусканием, к тому же те, кто сейчас возглавлял их, даже близко не могли сравниться ни по влиянию, ни по искусству интриги с теми, кто стоял у власти во время предыдущего мятежа. А ведь даже те мудрые герои потерпели поражение. Поэтому все затаились. Никакие разумные доводы не действовали на них, оглушенных и загипнотизированных страхом. По сведениям Шарифа, какой-то тайный кружок сопротивления организовал в своем военном округе полковник Али Мухаммед, министр даже оказывал ему в строжайшей тайне финансовую помощь, но едва ли приходилось рассчитывать на то, что в ближайшее десятилетие этот вольнодумный офицерский клуб сможет организовать что-либо вроде полномасштабного государственного переворота.

А королевский министр Абдунасер Шариф слишком ненавидел мерзкую обезьяну на престоле, чтобы ждать столько времени. Поэтому он форсировал события. Хотя в случае, если все откроется, кары, которые могут обрушиться не только на

его голову, но и на головы его семьи, оказались бы просто немыслимыми. Потому что он рискнул пойти на то, что не приснилось бы самым отмороженным заговорщикам в самом страшном ночном кошмаре. На убийство. На убийство одного из Саудов! Это было просто немыслимо! Нет, между собой члены рода Аль-Сауди могли творить все, что заблагорассудится. В том числе и руками своих подданных. Но подданный королевства по собственной инициативе не мог даже и подумать поднять руку на священную кровь правящей династии. Монарх мог быть низложен, отстранен от власти, отправлен в почетную ссылку, выслан с планеты, на худой конец, заточен в тюрьму, – но посягнуть на жизнь монарха означало бросить вызов Аллаху.

Это было страшно. Шариф сам боялся думать об этом. Безусловно, бессовестный тиран, грешник и сладострастник, влекущий королевство в бездну, заслужил такую участь. Но он был рукой Аллаха, а нам не дано знать божественные помыслы и замыслы. Для чего-то Всевышний поставил над страной такого слабого и богопротивного повелителя, для чего-то он испытывал народ Аль-Сауди. И чем ответит народ Аль-Сауди – подлым и жестоким убийством тирана королевской крови? Такого ли толкования этой жизненной притчи ждет от него милосердный Аллах?..

Шариф поежился, хотя в просторном дворцовом коридоре было тепло. Теперь, когда заговор, который готовили самые умелые и опытные интриганы королевства, был жестоко подавлен, шансы найти союзников для нового заговора практически отсутствуют. А вот отыскать мастера для одного выстрела… Он понимал, что другого выхода нет, и все же ему было весьма не по себе. Весьма.

Он уже давно начал собирать сведения о мафиозных и террористических группировках, способных осуществить столь дерзкий план, как физическое устранение короля Аль-Сауди. Господин министр прекрасно понимал, что эта идея граничит с безумием, поскольку после неудавшегося мятежа короля охраняли как живого Пророка. И все же нет такого хитрого замка, к которому нельзя было бы подобрать отмычку. А галактические преступники ради денег способны на все – даже воплотить безумную идею в жизнь.

О нет, эфенди Шариф не собирался узурпировать власть в государстве, когда Абдельмаджида не станет. Он даже не собирался получить какие-то бонусы от смены власти – ну, разве что самые крохотные. Королевский министр действовал исключительно из благих побуждений – на благо государства и всех его

обитателей.

Сначала ему не везло. Все самые знаменитые и прославленные в узких кругах наемные убийцы, а также предоставляющие подобные услуги кланы и группировки, к которым обращались секретные эмиссары Абдунасера, категорически отказывались влезать в это дело, едва ознакомившись с деталями. Похоже, они знали о сложившейся ситуации немного больше, чем глава семьи Шарифов. Хуже того, некоторое время спустя его доверенные посланники начали загадочно погибать, едва покинув пределы Аль-Сауди и еще даже не связавшись с очередной преступной группировкой. Это не было похоже на почерк «Аламута», тем более что на эфенди Шарифа спецслужбы так и не вышли. Не оставалось ничего другого, как окончательно признать, что Аллах против его богомерзкой затеи и жестоко карает исполнителей.

Министр горестно опустил уголки губ, мысленно разворачивая свиток со скорбным списком потерь. Абдусалям Дарауи, верный сторожевой пес, три поколения предков которого надежно служили телохранителями Шарифам. Умер в космопорту на Талголе от внезапно развившейся сердечной недостаточности – совершенно здоровый, тренированный человек в полном расцвете сил. Аладдин абу-Азим, ученик эфенди Шарифа, видный экономист и финансовый теоретик, участвовавший в разработке нескольких государственных программ Аль-Сауди. Упал со скалы в одном из туристических горных замков в Алемании, где должен был на нейтральной территории встретиться с представителями ниппонских якудза. Абдулькахар аз-Зубейди, друг детства эфенди Шарифа, знаменитый классический виолончелист, избороздивший с гастролями пол-Галактики, утонченный эстет, но очень скромный и дружелюбный человек, истинный мусульманин. Покончил с собой в дорогом мирмикейском ресторане во время переговоров с представителем клана наемных убийц. Возможно, эта информация соответствовала правде, потому что Шариф лично снабдил аз-Зубейди быстродействующим ядом, который тот должен был принять в случае возникновения внезапной опасности попасть в лапы «Аламута». Видимо, представитель клана оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал, и виолончелиста попытались задержать. Но не исключен был и другой вариант – ведь так легко во время обеда в ресторане подсыпать яд отвлекшемуся собеседнику…

Однако когда министр-мститель окончательно опустил руки, его старый друг и сподвижник, знаменитый нейрохирург Сейфуль Сулеймани, когда-то учившийся в Гарварде и имевший солидные знакомства в американской правящей элите,

сумел раздобыть информацию о некоем суперкиллере, проходившем под кодовым наименованием «мистер Сименс». О нем никто ничего толком не знал. Лишь в недрах самых могущественных спецслужб Галактики – русской и американской разведок – при помощи своих солидных связей Сулеймани сумел обнаружить следы упоминаний о нем. Судя по всему, Сименс имел самое непосредственное отношение к таким шумным делам, как устранение губернатора одной из крупных ниппонских колоний, загадочное убийство мятежного генерала Альваро Герреры, ликвидация президента одного из миров Бутана и уничтожение нескольких глав мафиозных кланов Талгола. Судя по послужному списку, мистер Сименс действительно был специалистом экстра-класса, для которого не существовало непреодолимых преград. Спецслужбы знали о существовании этого феномена, но до сих пор так и не смогли не только поймать его, но даже выйти на его ближайшее окружение. То ли он был воистину неуловим, то ли секретные государственные конторы время от времени использовали его для обделывания своих грязных делишек и поэтому прикрывали по мере сил.

Пациенты Сейфуля Сулеймани всегда отмечали, что он необыкновенно везучий человек. Он брался за самые безнадежные операции, однако никто из его коллег не мог похвастаться таким количеством излеченных пациентов. Вот и в этот раз, видимо, сказалось его запредельное везение. Поскольку ему удалось не только передать сообщение о мистере Сименсе министру Шарифу, но и выйти на контакт с самим Сименсом – сначала виртуальный, а затем и реальный, когда нейрохирург отправился в Соединенные Миры на очередной международный симпозиум.

Поразмышляв, господин Сименс запросил просто немыслимую сумму. Но к тому моменту ненависть эфенди Шарифа к королю Абдельмаджиду была уже столь велика, что королевский министр перечислил астрономический аванс, не колеблясь ни мгновения.

На этом поток воспоминаний прервался. Рослые привратники с усилием распахнули перед господином министром огромные позолоченные врата, и он стремительным шагом вошел в зал королевского совета.

Глава 5

Мистер Сименс вошел в стеклянные двери казино отеля «Бахир» ближе к полуночи, когда в игровом зале разгораются настоящие страсти и появляются серьезные игроки.

Здесь было многолюдно. У входа в несколько рядов выстроились игровые автоматы, за которыми в основном расположились пожилые дамы в мехах, по виду американки. В противоположном конце помещения находились ломберные столики, за которыми солидная публика играла в карты – друг с другом либо с вежливыми смуглыми крупье. Ближе ко входу дугой выгнулась обитая каким-то мерцающим благородным материалом стойка бара, а в центре роскошного зала расположилось сердце казино «Бахир» – четыре рулеточных стола. Там собралась небольшая толпа, оттуда слышались треск колеса, костяные щелчки подскакивающего шарика и азартные возгласы играющих.

Интерьер любого казино всегда нацелен на то, чтобы посетители играли не переставая. Все, начиная от отделки помещений и схемы освещения и заканчивая широким подбором бесплатных напитков и формой персонала, предназначено для того, чтобы человек, вошедший в игорный зал, мог сосредоточиться на том, ради чего он сюда пришел, – на игре. Конечно, в зависимости от уровня казино и его расположения все эти психологические тонкости довольно значительно различаются, и в каждом заведении имеется своя изюминка. Но едва переступив порог казино «Бахир», мистер Сименс понял, что оно недаром входит в первый десяток рейтинга премиум-класса.

Казино было оформлено в стиле мубарак, представляющем собой высокотехнологичную стилизацию древнего стиля мугал, ярчайшим образцом которого является грандиозный мавзолей Тадж-Махал. Все психологические уловки, направленные на то, чтобы посетители понапрасну не отвлекались от игры, были искусно замаскированы в ошеломляющем великолепии интерьера. Например, сквозь стрельчатые окна, стремительно взлетающие к роскошному куполу, виднелось лазурно-голубое небо с лениво ползущими по нему облаками. Это в двенадцатом-то часу ночи… На самом деле это были голографические экраны, на которых бесконечно повторялась закольцованная запись небосвода. Нигде в помещении не имелось часов – как и фальшивые окна, это было сделано для того, чтобы посетители не могли определить, случайно скользнув взглядом по интерьеру, сколько времени провели за игрой.

Снующие между столами официанты и официантки, разносившие элитное шампанское, были одеты максимально элегантно и бесполо: туго стянутые на

затылке волосы, белый верх, черный низ и минимум косметики. Они бесшумно возникали у игровых столов и так же незаметно исчезали. Ничто не должно отвлекать посетителей от игры. Но даже если гость начинал испытывать потребность поправить нервы чем-нибудь покрепче и перемещался за барную стойку, у него все равно не было шанса покинуть игру. Стойка была расчерчена на квадраты с цифрами, словно стол рулетки. Таким образом, нельзя было просто взять, скажем, пинту пива и понемногу его потягивать – когда гость ставил свой бокал на стойку, он автоматически делал ставку на то число, в квадрат которого попадало донышко бокала. Бармен выполнял функции крупье, результаты розыгрыша транслировались с ближайшего рулеточного стола, а величина ставки изначально включалась в стоимость выпивки. Таким образом, неожиданно выиграв на ровном месте, вроде бы совершенно бесплатно, или увидев, как выиграл расположившийся рядом сосед, сидящие в баре гости были обречены на то, чтобы раньше или позже вернуться к рулеточному столику.

Из-за спины Сименса вынырнул предупредительный официант в белой рубашке с галстуком-бабочкой, почтительно протянул гостю серебряный поднос, уставленный большими хрустальными бокалами с дорогим шампанским. Уж что-что, а шампанское в любом казино предоставляется бесплатно – захмелевший человек охотнее подключается к игре и чаще рискует. Разница в уровне заведений отражается и на стоимости предлагаемого напитка. В казино «Бахир» подавали «Дом Периньон» урожая сорокового года, поэтому новоприбывший гость охотно принял один из бокалов.

– Вас интересует рулетка? – вполголоса, ненавязчиво поинтересовался отделившийся от стены менеджер казино, заметив, что гость остановился посреди зала, озираясь и задумчиво покачивая золотистой жидкостью в бокале. – Сейчас самая игра, гостей довольно много. Не желаете ли…

– Нет, спасибо, – отозвался Сименс, задирая голову. Потолок казино, в соответствии со стилем мугал, представлял собой мешанину из множества причудливых каменных граней, сплошь покрытых вязью резьбы по мрамору. Гостю хватило одного беглого взгляда, чтобы понять, что большая часть этого великолепия покрыта тончайшими пленчатыми объективами камер скрытого видеонаблюдения, не оставлявших без внимания ни единого квадратного дюйма игрового зала. Каждое движение любого человека, находящегося в помещении казино, записывалось и при необходимости могло быть проанализировано при помощи компьютерных программ и лучших специалистов по борьбе с мошенниками. Так что для того, чтобы предпринять в этом зале что-то

незаконное или как минимум непотребное, нужно было быть совершеннейшим идиотом.

Сименс равнодушно опустил голову. Для человека, незнакомого с секретной шпионской аппаратурой, эти камеры с такого расстояния были неразличимы, а великолепием потолка действительно можно было залюбоваться, так что едва ли кто-нибудь из наблюдателей казино заподозрит наличие у богатого туриста неких специфических знаний и навыков.

– Тогда, вероятно, вы изволите играть в карты? Мы можем предложить вам покер, блек-джек, бридж, баккара. Джентльмены за четвертым столиком сообщили, что охотно примут шестого игрока в покер. Если вы соблаговолите…

– Боулинг есть у вас? Я бы не отказался скатать пару партеечек.

На тренированном лице менеджера не дрогнул ни один мускул.

– Крайне сожалею, но боулинга у нас нет.

– Может быть, пинбол? Тоже нет? А видеопокер на раздевание?..

Араб хладнокровно покачал головой:

– Крайне сожалею.

– Ладно, – проворчал Сименс, – придется удовлетворяться дурацкой рулеткой, раз уж культурно отдохнуть у вас совершенно невозможно…

Менеджер снова невозмутимо ушел в тень. Он был опытным профессионалом, и этот вздорный посетитель не вызвал у него абсолютно никаких эмоций. Единственное, что он сделал, – это бросил короткое кодовое слово в активированный легким движением подбородка микрофон, поняв из этого короткого разговора, что вошедший в игорный зал клиент настроен негативно, слегка агрессивно, возможно, немного пьян. Данный код означал «особо внимательное индивидуальное наблюдение». Менеджер даже вообразить не мог, что состоявшийся между ним и клиентом диалог как раз и был направлен на то, чтобы он произнес то самое кодовое слово. А Сименс, добившись своего,

качнул в его сторону бокалом и направился к ближайшему рулеточному столику.

Одним из самых увлекательных для человека занятий во все времена были попытки обыграть рулетку. Все понимают, что шансы невелики, что казино остается в выигрыше в любом случае, однако азарт входит в число сильнейших человеческих страстей наряду с голодом, половым влечением и инстинктом самосохранения. Пророк долго берег королевство Аль-Сауди от скверны азарта, через своих наместников-монархов ограничивая подданным Аль-Сауди возможность предаваться этому смертному греху – саудитам было законодательно запрещено заходить в казино и игорные залы, как подданным легендарного земного княжества Монако во все времена запрещалось даже приближаться к знаменитому казино в Монте-Карло. Но теперь, несмотря на то что закон никто не отменял, все изменилось. И теперь любому разумному человеку стало ясно, что мудрость прежнего короля Абдаллы была воистину безгранична, потому что выяснилось, что многие подданные королевства по части азарта могут дать любому иностранцу сто очков форы. Ныне в многочисленных казино и иных злачных местах клубились толпы именитых сановников, высокопоставленных офицеров, дельцов и просто богатых подданных благословенного королевства.

Полковник Акмаль был как раз из таких. Возможность с головой безнаказанно окунуться в пучину порока он воспринял с внутренним ликованием. Предпринимать усилия для того, чтобы жить по-человечески, он начал уже давно. Но при Абдалле с этим еще были большие сложности. И дело было даже не в том, что полиция работала слишком эффективно, с этим вполне можно было справиться при помощи личных связей, бакшиша и иных приемов, известных правоверным уже несколько тысячелетий. Просто то, на чем можно было заработать действительно серьезные деньги, в то время считалось недостойным офицера и мусульманина. Как, впрочем, и многое из того, на что полковник желал бы заработанное потратить. Так что жить так, как хотелось, при прежнем короле не получалось никак. Слишком рискованно было обращаться к посредникам и потенциальным клиентам, зная, что они в любой момент могут заложить тебя, решив, будто ты нарушаешь небесные установления шариата. То ли дело теперь! При короле Абдельмаджиде полковник развернулся вовсю, с размахом реализовав все накопленные при прежнем монархе деловой опыт, связи и капитал. Теперь никого не интересовало, где он берет такие деньги, чтобы за ночь спускать в казино свое месячное жалованье, – по крайней мере, до тех пор, пока он делился левыми доходами с двумя генералами и высокопоставленным таможенным чиновником Азизом Хакимом. К настоящему моменту полковник при помощи своего военно-космического подразделения

наладил пару каналов контрабанды, наводнив черный рынок округа, где была расквартирована его часть, дешевыми наркотиками, а также задорого предоставлял армейскую охрану местным криминальным авторитетам и просто уважаемым людям, у которых завалялись лишние деньги. Американские спецслужбы давно отследили эти наркопоставки и негласно наблюдали за его деятельностью, однако со своими коллегами из Аль-Сауди информацией пока предпочитали не делиться, надеясь выйти на поставщиков полковника.

В зале, кроме Гасана Акмаля, были еще двое из той дюжины вполне подходящих людей, голоснимки, психограммы и личные дела которых мистер Сименс перед отлетом на Панеконт зазубрил как таблицу умножения. Однако, побродив по игровому залу, он все же присоединился к полковнику, который азартно просаживал деньги за колесом рулетки. Для его планов Акмаль находился в наиболее благоприятном расположении духа. Да и устроился полковник очень удобно – так, что поблизости находилось еще несколько тех, с кем Сименс был бы не прочь свести знакомство.

Дела у Акмаля шли неважно, он явно много проиграл. Полковник уже давно расстегнул пиджак до самого низа, на его побагровевшем лбу поблескивали крупные капли пота, а шныряющие мимо официанты не успевали убирать из-под его локтя опустошенные бокалы. На столе перед ним стремительно таяла горка игральных фишек.

Мистер Сименс протиснулся ближе к полковнику, поставил свой бокал рядом с его. Акмаль коротко зыркнул на незваного соседа, но ничего не сказал, снова впившись взглядом в скачущий по рулеточному колесу шарик.

– Восемнадцать, черное, – объявил крупье и принялся специальной деревянной лопаточкой сгребать проигравшие ставки.

Нахохлившийся полковник с неприязнью наблюдал, как он выдает выигрыш тем, кто ставил на чет, черное и меньшее. Выигрыш небольшой, всего лишь один к одному, но тем не менее это выигрыш. Акмаль же четвертый раз подряд играл корнер, квадрат из четырех чисел, и в четвертый раз оставался с носом, хотя сидевшие на гауптвахте штабные аналитики уверили его, что разработали идеальную систему для игры в рулетку. Сейчас он уже не был так уверен в этом, как в начале вечера. В настоящий момент он точно знал только одно: кое-кого сегодня ждет карцер.

– Проиграл, приятель? – лицемерно-сочувственно поинтересовался Сименс, спотыкаясь языком слишком сильно для того, кто выпил только половину бокала шампанского, и наваливаясь всем весом на плечо полковника.

Акмаль недовольно отстранил его.

– Делайте ваши ставки, господа, – объявил крупье.

Полковник раздраженно швырнул несколько фишек на черное, потом, подумав, все-таки передвинул их на ближайший стрит. Сименс залпом допил шампанское, а затем ополовинил свою стопку фишек и через весь стол потянулся к черному квадрату, роняя зажатые в кулаке кругляши прямо на игровое поле.

– Простите, сэр, – обратился к нему крупье, – вы собираетесь сделать такие ставки или предпочтете изменить свое решение?

– А? – рассеянно отозвался Сименс. – Нет-нет, это я просыпал… – Он принялся собирать свои фишки и сгребать их на черное, при этом несколько раз зацепив чужие ставки. Игроки зароптали, но Сименс пресек попытки крупье помочь ему: – Не стоит утруждаться, дорогой, я уже почти готов…

Наконец ему с превеликим трудом удалось сгрузить свои капиталы на черное. Объявив, что ставок больше нет, крупье запустил рулетку. Сименс рассеянно оглянулся, и перед ним тут же возникло бесполое существо с подносом, уставленным бокалами шампанского. Тех, кто сейчас наблюдал за ним через объективы скрытых камер, необходимо было уверить, что клиент продолжает пить, причем начал отнюдь не в казино.

Полковник Акмаль жадно следил за вращающимся шариком. Переминаясь рядом с ним с ноги на ногу, Сименс незаметно сдвинулся влево и опустил каблук прямо на ботинок соседа, припечатав его всем телом. Араб взвился от боли.

– О, прошу прощения, – пьяно ухмыльнулся американец, – я был так неосторожен…

– Смотри, куда наступаешь! – заорал полковник, темпераментно размахивая руками. – Держись за стол, если штормит!

– Буду, – с хмельной покорностью пообещал Сименс.

Шарик скользнул в углубление на рулеточном колесе.

– Одиннадцать, черное, – объявил крупье, когда рулетка остановилась.

– Черное! – обрадовался мистер Сименс. – А ты, дурак, ставку изменил! – обратился он к соседу. – Сейчас бы выиграл… – Он дождался, когда крупье придвинет к нему выигрыш, и, зачерпнув фишек, демонстративно потряс их в горсти. – Видал, неудачник?

– Послушай, ты! – вскипел полковник, развернувшись к нему всем корпусом. Он и так был на взводе, а этот пьяный турист еще вздумал его задирать. – Играй спокойно, пока я не переломал тебе ноги!

– Ответ, достойный настоящего мужчины. – Сименс уронил фишки на стол перед собой и ладонями вперед выставил перед собой обе руки, демонстрируя чистоту помыслов. – На самом деле ты играешь красиво. Правильно играешь. Молодец. Хочешь, я тебя поддержу?

Полковник молча сделал очередную ставку на корнер. Мистер Сименс тут же поставил на тот же квадрат вдвое больше.

– Будем играть вместе, – радостно заявил американец. – Я тебя одного не брошу.

Акмаль молчал, хотя по яростно раздувающимся ноздрям было видно, что сдерживается он с огромным трудом.

– Давай, крути свое колесо! – милостиво кивнул Сименс крупье.

В этом туре они проиграли вместе: новоприбывший – в первый раз, а полковник – в очередной.

– Ну, ничего страшного! – заметил болтливый американец. – Легко пришло – легко ушло, ведь так? У тебя ведь тоже источник дохода не вполне законный, верно?..

– Ты можешь играть молча?! – угрожающе прошипел полковник, красный, как вареный омар.

– Понял, понял, – Сименс сделал вид, что застегивает себе рот на «молнию». Перед этим, правда, прикончив очередной бокал с шампанским.

Акмаль сделал ставку, и Сименс тут же повторил ее.

– Шайтан! – взревел разъяренный полковник. – Ты что, издеваешься, сын осла?!

– Что я сделал? – невинно поинтересовался Сименс.

– Почему ты повторяешь мои ставки?!

– Ничего я не повторяю. Меня просто заинтересовал тот же самый стрит. Разве в правилах написано, что нельзя ставить на одни и те же числа?

Араб скрипнул зубами, но ничего не сказал.

Этот розыгрыш опять оказался не в их пользу. Полковник снова сделал ставку на корнер. Мистер Сименс, покачиваясь, охотно положил рядом вдвое больше фишек. И снова они проиграли вместе.

– Ты приносишь мне неудачу, – доверительно поведал американец арабу, – но я тебя все равно не брошу.

Похоже было, что полковник Акмаль уже потерял всякий интерес к игре. Выигрыш упорно не шел, денег осталось немного, а вдобавок ко всему настроение усиленно портил пьяный турист. Полковник царственным жестом сгреб оставшиеся у него фишки и сделал ставку на номер двенадцать, красное. Ставка на конкретный номер в случае успеха могла увеличить остатки его капитала в несколько десятков раз, вот только вероятность выпадения красной дюжины была в несколько десятков раз меньше вероятности выпадения корнера.

– Проклятие! Ты читаешь мои мысли! – Сименс присоединил к его ставке столбик своих фишек вдвое выше. – Двенадцать красное – отличный выбор! Мне всегда

нравились и цифра, и цвет.

Полковник дождался, пока крупье наберет воздуху, чтобы объявить о прекращении ставок, и резким движением передвинул свои фишки на пятнадцать, черное. Пьяно ухмыляясь, Сименс тоже потянулся к своим фишкам.

– Ставки сделаны, ставок больше нет, – объявил крупье.

– Но я хочу поменять ставку! – капризно запротестовал американец.

– Крайне сожалею, в этом розыгрыше уже нельзя. – Крупье запустил шарик.

– Ладно, – пожал плечами Сименс. – Но в следующем розыгрыше мы играем вместе, слышишь, мой дорогой арабский друг?

Полковник Акмаль угрюмо наблюдал за кругами, которые шарик описывал по рулеточному колесу. Он не собирался тратить дополнительные нервные клетки на этого пьяного неверного пса, которого больше никогда не увидит. А вот кое-кому, кто сейчас сидит на гауптвахте, определенно не поздоровится. Полковник знал, на ком сегодня сорвет свое черное бешенство. Ужасный вечер.

Шарик затрещал, перескакивая из гнезда в гнездо. Гости казино, скрывая напряжение, следили за кругами, которые он описывал по рулеточному колесу. От мелькания красных и черных секторов рябило в глазах. Колесо начало замедляться, шарик упал в одно из углублений и остался в нем, вращаясь вместе с колесом. Не веря своим глазам, потрясенный полковник проводил его взглядом.

– Двенадцать, красное! – торжественно объявил крупье, дождавшись, когда рулетка остановится.

На Акмаля было страшно смотреть. Неизвестно, сумел бы он сдержаться на этот раз или нет, однако проклятый турист, отобравший у него законный выигрыш, старательно подлил масла в огонь.

– Я выиграл! – восторженно завопил Сименс, нелепо подпрыгивая. – Я выиграл! – Он зачерпнул фишки обеими руками и потряс их перед лицом Акмаля. – Надо

было оставаться вместе со мной на красной дюжине, придурок!..

Кровь стремительно бросилась в лицо арабскому полковнику. Все предохранители его нервной системы перегорели разом. Развернувшись к наглому американцу, он изо всех сил зарядил ему с правой в челюсть, да так, что тот отлетел на несколько метров, повалив на пол какую-то даму. Фишки разлетелись по всему полу.

Никто не заметил, правда, что за долю секунды до того, как кулак Акмаля коснулся лица Сименса, американец уже сам начал падать назад, оттолкнувшись обеими ногами от пола, так что удар вышел смазанным и несильным. Этого не заметил даже сам полковник, пьяный и ослепленный ненавистью, – тем более что удар вышел картинно-красивым, развернувшим тело противника в полете на сто восемьдесят градусов. Более того, за пару секунд до своего падения Сименс, бросив беглый взгляд вбок – одними глазами, чтобы камеры слежения не зафиксировали движения головы, – даже успел прикинуть, на которую из женщин, стоящих позади него, предпочтительнее упасть. Разумнее было бы, конечно, рухнуть в объятия престарелой немки, которая расположилась прямо за ним, однако он предпочел посильнее оттолкнуться левой ногой и завершить свой полет сорока сантиметрами правее, пав на грудь прелестной азиатке в открытом вечернем платье. Девушка не сумела удержать девяносто килограммов его веса, помноженных на скорость полета, и они вместе растянулись на полу.

Он оказался сверху. Их лица почти соприкоснулись. В глубине ее черных глаз замерцала искорка искреннего интереса.

– Так вам удобно? – дружелюбно поинтересовалась девушка на чистейшем английском. – Скажите, если станет неудобно. Я подвинусь.

– О, божественная леди! – галантно проговорил Сименс, не двигаясь с места. – Я охотно провел бы в таком положении весь сегодняшний вечер, ибо вы совершенно обворожительны. Однако прошу простить, у меня есть одно крайне срочное незаконченное дело…

Он попытался встать, но сделать это самостоятельно ему не дали. Чьи-то крепкие руки ухватили его за шиворот и предплечье, одним махом вздернув на ноги. Сименс простодушно хлопал глазами, взирая на двух громил, зажавших

его с двух сторон, – телохранители арабской леди прошляпили нападение на хозяйку и протолкались через толпу слишком поздно.

– Оставьте его в покое! – раздраженно донеслось с пола. – Лучше помогите мне подняться!

Громилы бросили Сименса и поспешили на помощь девушке.

Американец небрежно отряхнул испачкавшиеся при падении брюки и повернулся к полковнику, который с плотоядной ухмылкой ожидал его посреди свободного пятачка, образованного потеснившимися игроками. Гости совсем забыли про рулетку при виде нового бесплатного развлечения. Для многих из них не в новинку были бои без правил – и официальные, в Соединенных Мирах, и подпольные – здесь, на Панеконте. Однако одно дело, когда на ринге валтузят друг друга опытные профессионалы, и совсем другое – когда драка вспыхивает в элитном заведении и бойцами поневоле становятся такие же представители высшего света, как и ты, которые только что болтали с тобой, покручивая в руках бокал с шампанским. Это гораздо интереснее, потому что очень непривычно и имеет скандальный привкус.

Гасан Акмаль ехидно ждал, когда противник приблизится. Бить лежачего араб благородно не стал, поскольку, во-первых, вокруг было слишком много иностранцев, и, во-вторых, он был уверен в собственных силах и собирался доставить себе удовольствие еще раз послать в нокдаун этого расфуфыренного петуха, едва тот окажется на расстоянии вытянутой руки.

– Прекрасный удар, дружище, – оценил Сименс, демонстративно растирая и массируя якобы серьезно пострадавшую челюсть, после чего принял классическую боксерскую стойку.

Акмаль надменно покачал головой. Плюгавого штатовского боксера он, еще сержантом изучавший восточные единоборства, размажет по стенке за три биения сердца. Араб глумливо прянул в сторону американца, и тот пугливо отшатнулся. Пьяный полковник засмеялся, пошел по кругу, не глядя на противника, заставляя его настороженно смещаться следом. Когда они вместе описали полукруг, за спиной нахального туриста оказался рулеточный стол. То, что надо. Теперь эфенди Акмаль шарахнет его так, что он отобьет об этот стол все внутренности. Это ему еще и за то, чтобы не смел падать на благородных

арабских женщин…

Полковник снова прянул в сторону противника, и тот снова смешно заметался. Удовлетворенно ухмыльнувшись, Акмаль внезапно сорвал дистанцию и нанес американке быстрый и сокрушительный удар точно в подбородок.

Вернее, удар просто обязан был прийтись точно в подбородок, однако кулак полковника загадочным образом провалился в пустоту. Араб даже не успел изумиться, каким это чудом ухитрился так позорно промахнуться – повинуясь заученным рефлексам, его тело автоматически провело серию хуков, с левой, потом с правой и снова с левой. Однако ни один удар так и не достиг цели.

А вот этого уже никак не могло быть.

Обескураженный полковник недоумевал ровно сотую долю секунды. А потом сбоку что-то мелькнуло, и в левой глазнице вспыхнула в буквальном смысле слова ослепительная боль.

Потрясенный Акмаль заворочался на полу, приходя в себя после нокдауна.

– Один-один, приятель, – словно сквозь вату донесся до него сочувственный голос Сименса. – Продолжим?

Полковник привстал на одно колено, затем медленно выпрямился во весь рост. По-бычьи нагнул голову, разглядывая стоящего в расслабленной позе противника. Плюгавый американский боксер оказался гораздо более крутым бойцом, чем ему показалось с первого взгляда. Впрочем, судя по тому, что успел заметить полковник, прежде чем оказался на полу, противник не пользовался никакими особенными приемами, просто был слишком быстр. Слишком…

Однако кадровый арабский военный не собирался сдаваться. С некоторой натугой он принял оборонительную стойку, приглашая противника продолжить поединок. Американка снова встал в дурацкую боксерскую стойку, благоразумно прикрывая челюсть кулаком.

– Господа, господа! Я прошу вас!.. – Через плотную толпу наконец пробрался один из менеджеров казино в сопровождении двух охранников. – Будьте добры

соблюдать правила заведения, иначе…

Едва он опрометчиво приблизился к Гасану Акмалю, тот стремительно развернулся и сбил его с ног, а затем в два удара отправил следом массивного вышибалу. Сименс поступил точно так же со вторым охранником, который попытался ухватить его за руку. Игроки радостно взревели: им вовсе не хотелось, чтобы дополнительное бесплатное развлечение, не предусмотренное регламентом заведения и именно поэтому такое желанное, закончилось едва начавшись.

Полковник и американец вновь остались вдвоем посреди пустого круга. Акмаль опять попер в атаку и после серии яростных ударов даже сумел вскользь задеть противника по корпусу, однако сам пропустил коварный тычок под ребра, который вышиб из него дыхание, и остановился, прислонившись к рулеточному столу и без толку хватая воздух судорожно сжавшимися легкими.

– Осторожно! – взвизгнула позади Сименса девушка, не так давно послужившая ему подушкой безопасности.

Он резко развернулся, краем глаза удерживая в поле зрения временно обезвреженного полковника. Теперь сквозь толпу протискивались сразу пятеро охранников, и еще два бежали к рулеточному столу со стороны дверей. Американец снова принял оборонительную стойку: молниеносный бой явно лишь раззадорил этого плейбоя, и его совершенно не смущало численное преимущество подготовленных противников.

Тяжело сопя, полковник отклеился от стола и встал рядом с ним, сжав кулаки. Пространство перед ними расширилось еще: никому не хотелось повторить судьбу арабской леди, когда во все стороны полетят тела.

– Мы еще не закончили, – хрипло пробурчал Акмаль, – и я не позволю каким-то штатским собакам влезать в наш поединок.

– Отлично, приятель, – удовлетворенно кивнул Сименс. – Давай надерем им задницы, а потом я опять к твоим услугам.

Первые трое охранников действительно полетели во все стороны, как и ожидали охваченные боевым азартом гости казино: двоих вырубил Сименс и одного –

полковник Акмаль. Из толпы донеслись аплодисменты, и кривляка американец нашел время дурашливо поклониться зрителям, прежде чем на него налетели остальные вышибалы. К атаке присоединились охранники, ранее поверженные на пол вместе с менеджером, но их отвлек на себя Акмаль.

– Брат, возьми на себя вон тех троих! – ревел полковник, размахивая высоким стулом, который он отодрал от барной стойки. – Я тут как-нибудь сам справлюсь!..

Несмотря на свою вороватую натуру, полковник оказался подготовленным рукопашным бойцом. Массивные охранники отлетали от него со страшным грохотом, словно кегли в боулинге.

Бой вышел жестоким и скоротечным. На сей раз из охранников не сумел подняться никто, один только пришедший в себя менеджер торопливо семенил на четвереньках в сторону служебных помещений.

– Продолжим? – вежливо осведомился Сименс, поворачиваясь к полковнику.

– Ладно, брось, – тот устало махнул рукой. – Будем считать, один-один. Ты достойный воин. По этому поводу я хочу с тобой выпить… – Он подхватил со стола свой бокал, чудом уцелевший во время сегодняшних многочисленных схваток.

– Почему бы и нет. – Бокал Сименса во время драки разлетелся вдребезги, когда один из охранников в падении смахнул его со стола, однако сбоку вынырнул официант с шампанским, протянул гостю поднос, преувеличенно уважительно поклонился: похоже, пострадавший от рук поединщиков менеджер здорово достал местный персонал.

Акмаль и Сименс чокнулись, познакомились и немедленно побратались. Поняв, что продолжения не будет, а разъяренные быки вполне мирно беседуют, зрители начали разочарованно разбредаться, возвращаясь к игре.

– Дружище Джебедайя! – воскликнул полковник, когда бокалы показали дно. – Чего бы ты хотел? Проси, я исполню все, что захочешь!

– Может быть, ты познакомишь меня с влиятельными людьми королевства? Я всего лишь скромный негоциант, и мне хотелось бы, чтобы моя продукция имела на вашем рынке более широкую поддержку…

– О чем разговор, дорогой! – Пьяный полковник явно готов был к значительным финансовым тратам, и то, что дело обошлось столь дешево, явно обрадовало его широкую душу. – Все, что попросишь. Хочешь, я познакомлю тебя с начальником таможенной службы нашего благословенного королевства?..

Мистер Сименс удовлетворенно прищурился.

– А не заказать ли нам в связи с этим коньяку? – вкрадчиво поинтересовался он. – Я угощаю.

– Я прошу прощения, господа, – раздался позади него грубый голос с арабским акцентом.

Турист обернулся и увидел смуглого громилу, облаченного в полимерный полицейский бронежилет и глухой поляризованный шлем. В руках громила сжимал разрядник, установленный на парализующий разряд. Завалить его, в общем-то, не составило бы особого труда для двух подготовленных бойцов, если бы за его спиной не виднелись еще восемь громил, экипированных подобным образом.

Сименс перевел взгляд на полковника. Тот скривился, помотал головой: нет, не потянем. Тогда американец с лучезарной улыбкой снова повернулся к блюстителю порядка.

– Слушаем вас, джентльмены, – произнес он со всей галантностью, на которую только был способен.

– Надо полагать, у меня больше нет кредита в вашем казино, – понимающе проговорил Сименс. – И вообще меня теперь едва ли сюда пустят.

Он сидел в одном из внутренних служебных помещений игрового зала, куда его отконвоировал спецназ внутренней безопасности отеля. У дверей стояли двое

громил в бронежилетах. Напротив американца расположился на стуле администратор отеля, срочно вызванный менеджерами казино.

– Нет, кредит у вас по-прежнему есть, – несчастным голосом произнес директор отеля. – И в казино вы вольны приходить, когда вам будет угодно. Но поймите и вы нас: подобные инциденты – пятно на нашей репутации. Пожалуйста, попытайтесь в следующий раз воздержаться от участия в драке. Сейчас мы не стали прибегать к помощи полиции, но если подобный инцидент с вашим участием повторится, мы вынуждены будем это сделать.

– Следите внимательно за своими гостями, – посоветовал Сименс. – Драку затеял полковник.

– Да, но как свидетельствуют камеры наблюдения, вы его спровоцировали, а потом поддержали против охранников.

– Что ж, возможно, я тоже виноват. Надеюсь, этот досадный инцидент не попадет на головидение?

– Разумеется, мы постараемся замять дело. Однако аппаратура администрации казино показала, что в момент инцидента в зале работала сферокамера. Мы пока не определили, кто именно ее выпустил, но, уверяю вас, приложим все усилия, чтобы установить оператора. Мы никого не выпустим из зала без тщательной проверки.

– Постарайтесь, пожалуйста. Моя благодарность не будет иметь границ.

Пять минут спустя администратор отеля сопроводил беспокойного гостя до выхода и, попросив непременно звонить, если ему что-нибудь еще понадобится, удалился по своим делам. Достав коммуникатор, мистер Сименс встал у панорамного окна и принялся рассеянно перелистывать карту столицы. Пока все шло отлично. Служба охраны казино не зафиксировала ничего необычного ни в его манере держаться, ни в использованных им приемах, а вот люди из «Аламута», которые непременно посмотрят запись чуть позже… Он непроизвольно скорчил рожу.

– Болит?

Американец поднял голову и широко улыбнулся уже знакомой девушке, которая вышла из казино вслед за ним. Ее телохранители застыли в дверях.

– Почти нет. – Он прикоснулся к своему лицу. – Надеюсь, что не испортил вам вечер.

– Разумеется, нет. Наоборот, вы его спасли. Иначе это был бы очередной скучный поход в казино. Сама не понимаю, зачем я все время сюда возвращаюсь.

– Я бы не отказался спасти вам и эту ночь тоже.

– А вы отважный мужчина, – проговорила она, глядя ему в лицо. – Мне нравятся отважные мужчины.

– А мне нравятся обольстительные женщины с чувством собственного достоинства.

Она засмеялась:

– Вы умеете говорить комплименты. Это вам зачтется. Знаете что? Давайте я покажу вам настоящую ночную жизнь Аль-Сауди. У нас старомодная патриархальная держава, в это время суток большинство заведений уже закрыто, однако при желании можно найти места, где жизнь бьет ключом, пока полиция не пронюхала.

– С вами, красавица, я готов хоть в пекло.

Девушка хмыкнула.

– Мой глидер ждет внизу. Вы готовы?

– Разумеется. – Джебедайя Сименс помахал стоящему у входа в казино менеджеру: – Любезный, передай моему драгоценному другу полковнику Акмалю, когда он появится из туалета, что меня похитила прекрасная незнакомка. Я очень извиняюсь и надеюсь, что наше знакомство еще будет продолжено.

Они с девушкой направились к лифту, и телохранители безмолвно двинулись за ними.

Глава 6

После того как три четверти часа спустя машина пошла на снижение и опустилась на грунт, задний борт снова приоткрылся, и в фургончик заглянул толстый Казим. В руках у него были какие-то темные тряпки, которые он через щель швырнул Дженнифер, скорбно скорчившейся на полу и обхватившей себя руками за плечи:

– Одевайся, Гюльнара.

Изнутри фургончик был обит мягким материалом, и в нем совсем не было холодно – подонок Салех все-таки заботился о сохранности перевозимого товара. Однако мисс О’Харе необходимо было продемонстрировать Казиму глубочайшее отчаяние и уныние, чтобы он не заподозрил неладного. Едва ли предыдущие похищенные женщины по прибытии на место деловито выпрыгивали из фургона и принимались по-хозяйски изучать окружающую обстановку. Следовало соответствовать выбранному имиджу и его легенде.

Она слабо шевельнулась, приподняла заплаканное лицо. Посмотрела на похитителя таким жалобным взглядом, что самое жестокое сердце непременно дрогнуло бы, не в силах созерцать мучений этого ангельского существа. Однако у Казима, похоже, вообще не было сердца.

– Одевайся, Гюльнара, – сухо повторил он на интерлингве. – Иначе я поведу тебя в дом голой, а на лужайке шестеро охранников.

Она понуро принялась разворачивать матерчатый сверток, который он ей принес. Это оказалось длинное, до пят, бесформенное одеяние, скрывавшее очертания фигуры, и платок-хиджаб, который полагалось повязывать на голову, чтобы спрятать волосы.

– А вот этим прикрой лицо, – Казим изящным жестом подал ей еще один черный платок. – От переносицы и ниже. Нельзя, чтобы охранники созерцали твою красоту.

– Ты-то меня вообще голой видел, – вяло огрызнулась она, на мгновение снова превратившись в ту юную стерву, которая приехала сегодня в стриптиз-бар Салеха.

Похититель величественно проигнорировал ее дерзкую реплику и, дождавшись, когда она с грехом пополам разберется с узким платьем, распахнул задний борт фургончика настежь.

– Ступай за мной, женщина, и не вздумай капризничать.

Выбравшись из машины, она оказалась во внутреннем дворе какого-то огромного двухэтажного особняка. На обширной лужайке в живописном беспорядке были разбросаны беседки, небольшие фонтаны и ухоженные плодовые деревья. Ступать босиком по аккуратно подстриженному газону было неимоверно приятно.

Охранники оказались расставлены по периметру внутреннего двора чрезвычайно грамотно, Дженнифер не могла не оценить опыта местного начальника охраны. Это только кажется, что на лужайке полно укрытий, на самом деле в какую сторону ни дернись – непременно окажешься на линии огня одного, а скорее пары охранников. Это в чье же логово ее занесло? Изображая подавленную и сломленную неженку-кяфирку, на самом деле она мысленно прикидывала, кому бы из ее заочных знакомцев мог принадлежать такой дом.

Казим неторопливо, даже не оглядываясь, двинулся к крыльцу – он был абсолютно уверен, что деморализованная джамиля последует за ним. Дженнифер не стала его разочаровывать. Подол темного одеяния был слишком узким, и шагать в нем широко, как в шортах, не представлялось возможным – только униженно семенить. Чертыхнувшись про себя, мисс О’Хара так и поступила.

– Ну и что теперь? – срывающимся голосом спросила она в невозмутимую спину Казима. – Это элитный бордель, да? Вы меня будете продавать всяким толстосумам?..

– Что за глупые фантазии, – безмятежно отозвался тот, не поворачиваясь. – Ты теперь достойная женщина, младшая супруга эфенди Абу-Фараха, да не укоротится никогда его благородная тень.

– А этот самый Абу-Фарах – он моего желания спросил? – угрюмо поинтересовалась девушка.

Казим фыркнул:

– Гюльнара, какие желания могут быть у жены правоверного? Единственным твоим желанием должно быть желание угодить супругу. Запомни это, если не хочешь, чтобы тебя часто наказывали.

– Супругу, значит, – продолжала нудить Дженнифер. – Хорошо… Когда же свадебная церемония?

– Она уже была, – заявил Казим. – Когда досточтимый Абу-Фарах изъявил желание обладать тобой, ваше бракосочетание уже состоялось на небесах. И поверь мне, господин проявил невероятное милосердие, благосклонно приняв такую недостойную женщину, которая до этого плясала голой на потеху мужчинам.

– Понятно, – уныло резюмировала мисс О’Хара. – Он взял меня в наложницы.

– Ты все переводишь в пошлость. Это неприемлемо. Следи за своим языком, если не хочешь, чтобы тебя часто наказывали.

В доме Казим первым делом отвел ее в медицинский блок, где вежливая смуглая женщина-доктор, трогательно смущаясь, подвергла ее всевозможным исследованиям и экспресс-тестам при помощи больничного диагноста, взяла анализы и через полчаса мучений отпустила, сделав заключение, что девушка абсолютно чиста, никаких инфекций и болезней, кроме залеченных травм и переломов, не обнаружено. Насчет травм О’Хара немного тревожилась, но Казим не обратил на них внимания, похоже сочтя, что это производственные повреждения часто падающей с шеста неловкой стриптизерши, которая еще вдобавок наверняка жила у себя на родине в каком-нибудь беспокойном районе.

Затем толстяк отконвоировал ее по коридору с высокими сводчатыми потолками. На боку у него торчала кобура разрядника, так что Дженнифер вполне могла завладеть его оружием и покинуть здание, оставив за собой несколько бесчувственных тел и пару-другую трупов, однако это, безусловно, было бы плохое начало. Сейчас следовало думать о деле, а не о баловстве.

В стенах коридора периодически попадались двери. Казим остановился возле одной из них, отпер ключом и сделал короткий приглашающий жест:

– Прошу.

Просторная гостиная была богато убрана шелками и бархатом, у дальней стены стояли широкий восточный диван и два кресла, за ними виднелись двери в спальню и ванную комнату. На стене мерцал головизор, совмещенный с терминалом. Не удержавшись, Дженнифер присвистнула: на тюремную камеру эти роскошные апартаменты были похожи меньше всего.

– Именно так, – самодовольно усмехнулся Казим, словно окружающая шикарная обстановка была его рук делом. – Господин Абу-Фарах заботится о своих женщинах. Он хочет, чтобы вы ни в чем не испытывали недостатка.

– Какой заботливый, – сквозь зубы процедила девушка.

– Да, именно так, – повторил Казим, высокомерно скрестив руки на груди. – Эти покои принадлежат тебе. А теперь прими душ, Гюльнара, и я отведу тебя к твоим новым подругам.

О’Хара направилась к ванной, надсмотрщик двинулся следом.

В дверях она гневно обернулась:

– Будешь смотреть, как я моюсь?!

– Едва ли я увижу что-либо новое, – лениво заметил он, однако от двери все же отошел и расположился на одном из кресел. – И поспеши, дерзкая юница, у меня сегодня еще много дел. Эти тряпки больше не надевай – в шкафу тебя ждет богатое платье.

Наскоро ополоснувшись с обнаруженным на полочке ароматным гелем для душа, мисс О’Хара вышла из ванной в клубах пара, от подмышек до колен замотанная в мохнатое банное полотенце. Не обращая внимания на соглядатая, прошла к высокому шкафу-купе, решительно сдвинула в сторону зеркальную створку и принялась копаться внутри.

В отделении для белья обнаружилось именно то, что и должно было обнаружиться, – набор белья. В основном это оказались широкие серые трусы из мохнатой ткани, больше похожие на не слишком короткие шорты. Правда, в соседнем отделении сиротливо лежали одинокие красные трусики-стринги, которые, по-видимому, наложнице полагалось надевать, только когда ее решит посетить хозяин. Ни секунды не раздумывая, Дженнифер натянула стринги и продолжила вдумчивое изучение шкафов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джамиля (арабск.) – красавица.

2

Иншалла (арабск.) – такова воля Аллаха.

3

Пери (арабск.) – небесное создание.

4

Кяфир (арабск.) – неверный.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zlotnikov_vasiliy/missiya-nevypolnima

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить